

МЕНТАЛИТЕТЫ

Василий Турковский

Роман «Менталитеты» знакомит читателя с жизнью людей молдавского села за семидесятилетний отрезок времени (с 1944 года по 2014 год). О любви и дружбе, о желании сделать людей счастливыми, об отношении к семье, к работе, к месту проживания, к детям, о взаимоотношениях между людьми, независимо от их национальностей, убеждений и возможностей. О том, как в этот период, молдавское село, стараниями многих достойных людей, достигло невиданного расцвета и, о том, как опять же, стараниями других, чужих и чуждых для этой прекрасной земли людей, в молдавские села пришел полнейший развал, комплексная социально-экономическая катастрофа, отбросившая цветущее молдавское село, назад, в средневековье.

Роман, в первую очередь, — о менталитетах людей, менталитетах добрых и злых, привитых вроде бы к одинаковому первичному людскому «подвою», но, из-за абсолютно разных «привоев», выдавших в результате противоположные по сути, побег — Добра и Зла.

- [Василий Гурковский](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)

Продолжение см. в интернет-магазине "Andronum", "LitRes" и др.

Василий Гурковский

МЕНТАЛИТЕТЫ

*...Менталитеты не покупаются, и люди с ними — не рождаются.
Они прививаются и — быстро приживаются, особенно те, что
против... просто против всего; без доказательств и здравого смысла...*

Василий Гурковский

Глава первая

НАШИ ПРИШЛИ!

Андрей бежал по улице, не замечая никого и ничего. Он услышал от соседей, что единственный на все село фельдшер, уезжает, и спешил, надеясь его застать. Застал. Когда подбежал к дому Маркуса (так звали фельдшера), тот как раз выезжал из ворот. Длинная такая полу арба — полу повозка с наращенными высокими бортами, доверху нагруженная всякими мешками и предметами домашнего обихода; сверху в углублении — вся его многочисленная семья и, на примитивных козлах, с вожжами в руках — сам хозяин, фельдшер Маркус. Нескладный внешне, располневший мужчина, лет сорока, с седоватыми кудряшками на затылке и блестящей лысиной на лбу, прикрытой потертой соломенной шляпой.

Андрей схватился за уздечку ближнего к нему коня и, перекрикивая шум двигавшейся подводы, обратился к фельдшеру: «Господин Маркус! Беда у меня! Надя моя помирает! Ей рожать скоро и наверно что-то не так, все время кричит, сильные боли, жар у неё не спадает. Уже две бабки нашел, что ни делали — не проходит. Пожалуйста, помогите, пока вы еще здесь! Она сколько лет на вас работала, а сейчас ей совсем плохо...Помогите, прошу вас! Я вас отблагодарю».

Вроде бы внимательно слушавший его фельдшер, вдруг дернул за вожжи, хлестнул лошадей кнутом, они рванули и потянули подводу вправо, к выезду на дорогу. Андрей ускорил шаг, но уздечку не отпускал и все повторял: «Помогите, прошу вас, пожалуйста, помирает же Надя... Помогите, прошу вас...».

Маркус повернул к нему перекошенное от злобы лицо и заорал: «А ну, отпусти уздечку, паршивый хохол! Ты забыл, как вы поступили с моим братом, Хаимом?. Так я не забыл! Никуда я не поеду! Разбирайтесь сами! А мне срочно ехать надо, не до вас сейчас! Отойди!». Он с размаху хлестнул лошадей кнутом, вторым ударом опоясал кнутом Андрея, бегущего рядом с лошадью, и погнал лошадей в сторону кишиневской дороги. Удар пришелся по лицу, досталось и глазам. Андрей упал, повозка уехала. Андрей с трудом встал, протер глаза, повозка уже повернула за угол и двинулась на север. Фельдшер когда-то рассказывал, что у него родители живут в Яссах; возможно туда, и он поехал.

Возбужденный Андрей прислонился к стволу акации, постоял, не понимая, что произошло, а потом вдруг как что-то ударило его: «А Надя как же! Я же бежал к доктору, надеясь на его помощь. Был уверен, что он поможет. Надя работала у его брата аптекаря, Хаима. Одна вела все домашнее хозяйство, убирала, помогала в аптеке. Часто работала и у Маркуса. Помогала бесплатно. За детьми ходила обоих братьев. Они жили рядом, огород — в огород! И вот — так доктор оплатил ей за все, в самый нужный момент!». Он горестно вздохнул, огляделся вокруг и быстрым шагом пошел по дороге, домой.

Дома братьев — фельдшера Маркуса и аптекаря Хаима, были угловыми на соседних улицах, их приусадебные участки, примыкали друг к другу. Как люди экономные, братья соорудили на меже большой деревянный туалет, один на две семьи, с двумя противоположными выходами. Андрей, проходя напротив его, вспомнил случай годичной давности, о котором только что ему фельдшер, и со злом, напомнил. Дело было так. Братья Шварцманы решили сделать общий туалет, навезли брусьев, досок и наняли двоих молодых ребят. Договорились с ними вырыть большую, метра три глубиной, яму, нарисовали макет, оговорили оплату, ну и так далее. Ребята сделали все, как надо, получили расчет и ушли. Вечером Хаим решил опробовать новое сооружение, зашел туда и...провалился на самое дно ямы. Рядом, метрах в десяти, проходила

улица. Хаим, оправившись от первичного шока, вначале сидел на дне ямы и молчал, боялся, что кто-то услышит — узнает и опозорит его на все село. Но, когда стемнело и стало страшно сидеть на трехметровой глубине, он начал подавать звуки, надеясь, что кто-то из домашних его услышит...

Но, вместо домашних, его «услышали» проходящие по улице молодые ребята, друзья Андрея. Они помогли Хаиму выбраться из ямы, а он в знак благодарности, дал им два литра спирта, но попросил никому об этом не рассказывать...

Потом приезжал румынский жандарм, вызывал ребят, которые строили туалет, пытался выдать у них признание, что они подпилили опорные бруски, но ребята оправдались тем, что хозяйева лично у них объект приняли и претензий не имели, что сами заказчики и подтвердили. Случай сразу стал достоянием гласности, и в селе несколько месяцев эта тема обсуждалась и обсмеивалась. Ребята — «спасатели» Хаима были украинцами, в селе вообще больше половины населения были (и ныне есть) украинцы, поэтому братья и затаили зло именно на украинцев, хотя доказать так ничего и не смогли.

Все это Андрей вспомнил, проходя мимо. Странно было, отчего или от кого, так быстро убегали братья Маркус и Хаим. Хаим еще рано утром уехал и тоже с вещами, и всей семьей.

Чем ближе Андрей подходил к дому, тем больше его охватывала тревога за жену. Он надеялся вернуться с фельдшером, обнадежил Надю и находящуюся рядом с нею тетю Клаву, но — не вышло. И что делать, куда и к кому идти, — он не знал. Зайдя в дом, увидел, как тетя меняет влажные тряпки на лбу жены, лицо у Нади было белым, как стена, лежала она с закрытыми глазами, тяжело дыша открытым ртом. Тетя сказала, что Наде пришло время рожать, но плод почему-то не идет, перевернулся или еще что-то. Еще немного и Нади — может не стать...

На вопросительный взгляд тети — Андрей лишь развел руками и шепотом рассказал про встречу с Маркусом. Тетя отпустила несколько недобрых слов в адрес неблагодарного фельдшера и попросила Андрея сходить к колодцу — принести свежей воды.

У колодца стоял его сосед и еще одна женщина. О чем-то оживленно беседовали. Когда Андрей подошел, сосед сразу ошаршил его известием: «Андрюша! Наши пришли!». «Какие, наши? — не понял Андрей. «Наши, русские, советские!» — захлебываясь заговорила женщина — «Сегодня на рассвете приезжали на край села двое красноармейцев, верхом на лошадях, вроде как разведчики, что ли. Спрашивали — что и как, есть ли румыны в селе. Мы им сказали, что румын в селе почему-то не стало, ни военных, ни гражданских. Сегодня вот фельдшер с братом тоже уехали. Военные попили воды и уехали, сказали, что все — кончилась у нас румынская власть. Не знаю — верить тому или нет, но так они сказали. А еще сказали, что они расположились за шахтами, возле соседнего села. Там какая-то военная часть у них временно стоит.».

Андрея словно током ударило! Он набрал ведро воды, занес его в дом, тихо сказал тете: «Я скоро, ждите!» и побежал в гору, в сторону шахт, где многие годы добывали камень-известняк для строительства. Он еще ничему не поверил, он просто почувствовал шанс спасти Надю!

Дорога долго шла в гору. Слева оставалось село, все утопающее в зелени. Большими темно красными пятнами выделялись вдоль улицы и на огородах, вишневые и черешневые деревья, золотом отливали абрикосы и персики. Отцветшие недавно акации, сторожевыми вышками возвышались среди плодовых деревьев, потряхивая мелкими листочками, сворачивающимися днем в трубочки от жары. А справа — внизу, вдоль села, бежала небольшая речка, образуя длинную цепь разно размерных озер, глубоких, с холодной, чистой и прозрачной водой, и кишущих разноразмерной рыбой.

По ту сторону речки, на всем её протяжении, поднимались высокие холмы, поросшие лиственными лесами — кленом, дубом, ясенем, ольхой. Все это чудесное место было «сердцем»

Молдавии и обобщенно называлось во все времена просто — «Кодры».

Андрею было не до этих красот. Он бежал в гору, весь мокрый. Жара. Дышать тяжело. Вся одежда покрылась выступившей солью. А он бежал и думал о Наде: «Хотя бы она выдержала! Хотя бы успеть! Хотя бы там кто-то был, кто понимает в медицине!». Только эти мысли заполнили его всего и ничего больше он не видел, не слышал и не чувствовал. Задыхаясь от жары, напряженного бега и беспокойства за жену, он перевалил через пологий холм и увидел вдали небольшой шахтный поселок. И сам поселок и вся его округа были покрыты вековой желто — белой пылью. Здесь пилили строительный камень — известняк или — ракушечник.

Сверху было видно, как влево от дороги, недалеко от неглубокого ущелья, зияющего пустыми глазницами шахтных известняковых штолен, расположился какой-то лагерь. По кругу стояли палатки, откуда-то вился синий дымок. Между палаток, двигались люди в военной форме...

«Есть, слава Богу!» — застучало сердце — «давай, Андрей, поспеши, а вдруг?!». Не доходя до лагеря метров двести, рядом с дорогой, стоял шалаш из кукурузных стеблей. Когда Андрей подошел к нему, из шалаша вышел солдат, в красноармейской форме, с винтовкой наперевес, передернул затвор, направил винтовку в сторону Андрея и спросил по-русски, с явным украинским приговором: «Стой, хто йдет!». «Свой, брат!» — застучало в груди Андрея. Он заговорил по-украински, в минуту рассказал, что он из соседнего села, что беда у него с женой, что срочно надо доктора, которого в селе нет. Может у них есть кто-то, чтобы мог помочь. Солдат ничего не спрашивая больше, нагнулся к шалашу, вытащил полевой телефон, покрутил за ручку и доложил кому-то то, что ему сказал Андрей. Его спросили — сколько человек пришло — часовой ответил — один. Пропусти его — сказали по телефону. Получив разрешение, Андрей снова побежал и через пару минут был в лагере. Стоял между палатками, не зная, куда идти. Из одной из них, вышел военный с двумя шпалами на петлицах.

Андрей снял фуражку, поклонился, поздоровался. Военный тоже поздоровался, сказал — оставь все эти ненужности — поклоны, и спросил, кто он, откуда, что у них в селе сейчас и в чем его проблема. Андрей быстро и сбивчиво объяснил, что у него стряслось. Офицер ничего больше не стал выяснять, позвал дежурного и за кем-то послал. Через пару минут к нему в палатку зашел тоже военный, но в белом халате, наверное, врач. Командир быстро ему все объяснил, потом повернулся к Андрею и участливо проговорил: «Понимаю вас, но доктору надо несколько минут, чтобы собраться, дело для нас необычное, а вам я предлагаю пройти с моим помощником в столовую, думаю, вам не до этого всего было — поэтому попьете чаю, перекусите». Видя, что Андрей нетерпеливо встал, командир добавил: «Не беспокойтесь, успеете перекусить, пока доктор соберется, да лошадь запрягут». Андрей поблагодарил командира и пошел в палатку — столовую. И, правда, минут через двадцать, Андрей, доктор и солдат — ездовой, рысью помчались на повозке в село. А еще через два часа — на свет появился новый житель, мальчик, живой и здоровый. А еще через время — ослабевшая Надя, смогла первый раз покормить новорожденного. Доктор все это время находился в доме Андрея, и уехал только тогда, когда убедился, что все обошлось.

Андрей не знал, как его и командира отблагодарить, потом — решился, — достал с чердака ящик соленого сала, а в двухведерный дубовый бочонок налил холодного домашнего вина из погреба и передал солдату, потому, что доктор отказался что-то у них брать. Доктор оставил кое-какие лекарства на первый случай и дал рекомендации молодой маме и тете Андрея. Когда они отъезжали, Андрей спросил доктора, как его зовут, тот ответил — Николай. Тогда Андрей, в присутствии тети, сказал, обращаясь к доктору: «Если вы не будете против, — мы назовем сына Николаем, в честь вас, нашего спасителя! Будете ему крестным отцом; Большое вам спасибо, еще раз!». Доктор смутился, но возражать не стал. С тем они и уехали. Эта небольшая войсковая

группа направлялась куда-то в сторону города Бельцы, и, пока они находились вблизи села Андрея, доктор еще пару раз приезжал к ним, проверял состояние Нади и малыша.

Так много всего свершилось в тот день, что и сам Андрей, и его семья, посчитали все это, как дар Божий, и не знали чем, как, и кого еще, надо благодарить за это. А то, что это Чудо все-таки было не сном, — подтверждал маленький улыбающийся Коля, на руках веселой, ожившей Нади!

От доктора они и узнали, что буквально несколько дней назад, в Бессарабию вошли советские войска. Вошли без боя, тихо, мирно, но быстро. Должны были войти еще быстрее, но случились непредвиденные обстоятельства: в буквальном смысле слова, продвижению войск... мешали люди. В каждом большом или малом населенном пункте, военных встречали возбужденные и радостные толпы людей, собирались стихийные митинги. Военных встречали хлебом-солью, ликующими возгласами, красными флагами и, конечно же, домашним вином. Все это тормозило продвижение военных в сторону Кишинева, и вместо того, чтобы войти в город к обеду, колонны прибыли туда только к ночи.

И в Кишиневе люди встречали приход «наших» войск с искренней радостью, флагами, транспарантами, приветственными речами. На многотысячном митинге выступал командующий специальной Южной группой войск, генерал армии Жуков Г.К., партийные и хозяйственные руководители региона, вышедшие из подполья и прибывшие с левой (советской) стороны Днестра представители Молдавской АССР. Люди ликовали и наполнялись надеждой на лучшую жизнь, по сравнению с предыдущими 22-мя годами румынской оккупации, когда Румыния под разными надуманными предлогами, пользуясь временной слабостью и занятостью на многих фронтах гражданской войны, советской России, просто оккупировала территорию Бессарабии и «забыла» потом оттуда выйти... Это был тяжелейший для России 1918 год. Все эти 22 года, (до 1940 года), Советский Союз не раз напоминал Румынии, что не смирится с аннексией части его территории, на что румынские власти, откровенно издеваясь и надеясь на поддержку других государств, отделялись ничего не значащими отписками и просто тянули время. Но, всему, даже наглости, бывает предел и вот наши войска здесь, в Бессарабии. И слава Богу, что обошлось без крови. Румыны понимали, что уже не 1918 год, и СССР уже не тот и Красная Армия тоже не та, что была 22 года назад. Да и «друзья» на Западе, «запели» совсем по-другому...

Поэтому все румынские войска оперативно были выведены за пределы Бессарабии. С ними вместе «ушли» и бывшие представители румынской власти всех уровней. Уже к концу второго дня — наши войска вышли на границу (бывшую Российскую, по реке Прут).

От главного направления (на Кишинев) — отдельные группировки войск продвигались вдоль Днестра на Юг и на Север Бессарабии. Вот одна из таких групп и расположилась на отдых, недалеко от их села.

Так что теперь они (Андрей и его семья), будут жить на своей, советской земле, а их сын, Коля, так вообще родился уже в Советском Союзе! И пусть у них начнется новая счастливая жизнь, без чужих «хозяев-эксплуататоров». Вот все, что мог сообщить им спаситель — доктор. Другая информация в село еще не поступала, просто не успела. Доктор даже выписал Коле справку о рождении, в качестве временного метрического свидетельства.

Уже позже в село прибыли представители новой власти, были митинги, собрания, и в селе начала возрождаться другая, пока не понятная для всех — жизнь.

Дело в том, что в жизни села в политическом плане — да, появилось что-то новое, а в текущей жизни, все осталось по-старому. Главным экономическим хозяином села оставался помещик, было еще с десяток крепких хозяйств, из тех, что в предвоенной России называли «кулацкими», а все остальное население, не имевшее в собственности ни земли, ни каких-либо других средств производства, — так и продолжало работать на «хозяев». Попытки начать

«коллективизацию» в молдавских селах правобережья, в сороковом году, — ни к чему не привели, по разным причинам, главными из которых были — наличие мощной эксплуататорской прослойки, а также — неготовность, нежелание населения, и скрытое противодействие землевладельцев.

Андрей работал на небольшом винном заводе, принадлежавшем местному помещику, Надя — занималась маленьким Колей. Жизнь начала потихоньку налаживаться, но, не прошло и года, как пришла новая Страшная Война! В селе даже не успели привыкнуть к новой власти...

Пришло горе на бессарабскую землю в очередной раз. Объединенные германско-румынские войска, перейдя реку Прут, вторглись, в июне месяце 1941 года, сплошным фронтом по всей советско-румынской границе на территорию СССР, и, в течение месяца, вышли на Днестр, оттесняя советские войска к Одессе.

Андрей, прибывший из поездки на север Молдавии, куда он ездил за оборудованием для винзавода, успел только забежать домой, обнять и поцеловать Надю, годовалого Колю, тетю, и тут же отбыл с группой мужчин села в военкомат, а оттуда — прямо на фронт, который был буквально рядом. С тех пор об Андрее никогда и ничего никто не слышал. Что с ним случилось в первые (самые страшные и непонятные) дни войны, так и осталось покрыто тайной навсегда...

Через непродолжительное время в селе появился глава сельской администрации, «примарь», по-румынски. Молодой, франтоватый румынский «локотенент» (лейтенант), с двумя жандармами; и жителям села очень быстро и внушительно напомнили, кто в селе законный хозяин и какие теперь будут порядки, с учетом того, как они радостно год назад встречали советскую власть и, кроме того, — что сегодня действуют еще и законы военного времени. А что это такое — жители села очень скоро узнают.

Новый примарь начал с того, что провел инвентаризацию всех сельских (по его мнению — бесхозных) помещений, имущества, транспортных средств и различного оборудования, собрал все, что возможно на территории бывшей боярской усадьбы и объявил свое распоряжение, запрещающее кому-либо что-то трогать из реквизированного имущества, под страхом ответственности по законам военного времени. Саму же усадьбу, точнее, наиболее сохранившуюся ее часть — он занял под примарию или сельскую управу. В усадьбе и сам проживал, вместе с двумя жандармами.

Не терял времени зря и подбирал себе рабочие кадры. Там нужны были технические работники, писарь, счетовод и т. д... Так как в селе в то время более половины населения были украинцы, остальные — молдаване, то предпочтение отдавалось все же молдаванам, хотя румынским (молдавским) языком, свободно владели практически все жители села.

В такие моменты всегда находятся «нужные» люди; и не только «перевертыши — предатели» или чем-то недовольные на прежнюю власть люди, но чаще всего просто хитрые и расчетливые, живущие по обстоятельствам, для которых какие-то убеждения — просто удобные слова. Поэтому, технический штат примарии, был быстро заполнен, в абсолютном большинстве молодыми женщинами; и замужними, мужья которых ушли с нашими войсками и свободными — незамужними. Так как они пошли на работу к румынам без всякого принуждения, добровольно, то параллельно с должностными обязанностями, они, все без исключения, «обслуживали» представителей власти по полной программе и после работы... Варили еду, стирали, шили, собирали продукты по селу, спиртное, и выполняли другие «отдельные» поручения. То, что люди их ненавидели и презирали — их особо не волновало. Они считали себя что-то вроде «при хозяевах». Понятно — участвовали во всех мероприятиях, проводимых по линии примарии и последующих застольях. Через этих штатных «помощников», примарь привлекал к разовым «мероприятиям» и других женщин, когда село посещали представители уездной или даже центральной (кишиневской) власти.

Через них же он узнавал все, что делалось в селе. «Преданные» власти девицы, во время любовных утех и пьяных оргий — давали характеристики и адреса бывших сельских просоветских активистов. Следили за всеми, подслушивали разговоры, естественно, добавляли что-то от себя и предавали, предавали... В том числе и тех, кто вообще ни в чем замешан не был, но что-то говорил обидное в адрес этих самых помощников власти.

Почти каждую неделю в село приезжали представители уездных жандармских служб, кого-то арестовывали и увозили, некоторых публично били на сельских сходах. Авторитет примаря в уезде, уже в первые месяцы его правления, значительно вырос. Его ставили в пример другим представителям власти, даже поощряли. Из села было выкачано практически все продовольствие и отнято все, сколь-нибудь ценное — на нужды доблестной румынской армии, которая боролась «за счастье людей» против ненавистной советской власти. Только представлял эту армию в селе и забирал значительную часть реквизированного, — сам примарь, со своим окружением. Жители села, находясь в полном неведении об истинном положении дел на фронте, слушали и читали румынскую информацию, что немцы вот-вот возьмут Москву, а дни Красной Армии сочтены, поэтому молча, терпели издевательства новой власти, практически ни на что уже не надеясь.

Вскоре из Румынии в село прибыли и два брата Шварцманы — Маркус и Хаим, фельдшер и аптекарь. С помощью жандармов, они быстро выгнали из своих прежних домов, поселившихся там новых жильцов, и готовились принимать свои семьи, которые пока находились в Яссах.

Вели они себя вызывающе, — помня, как их «выпроваживали» из села всего год назад. Оба брата были из «румынизированной» еврейской семьи, за определенные заслуги их предков, пользующейся действующими в стране правами, как все румынские граждане. Они еще не знали, что их ждет в этой войне, но надеялись на многое, после победы румынской армии. У них были дальние родственники в Одессе и далеко идущие коммерческие планы.

Понятно, что оба их дома требовали какого-то поверхностного ремонта — где подшпакатурить, где подбелить, где помыть и так далее. Хаим (аптекарь) не знал подробностей отбытия из села своего старшего брата год назад, так как уехал с семьей за день раньше, поэтому пришел в дом тети Клавы, где жила и Надя с маленьким Колей. Он попросил Надю помочь привести в порядок дом к тому времени, когда родственники привезут его семью и имущество. Надя раньше несколько лет работала в семье аптекаря. Жена его помогала в аптеке, а Надя работала по дому — варила, убирала, стирала, присматривала за детьми, в общем — занималась хозяйством. Аптекарь платил какие-то деньги, иногда помогал лекарствами для тети. Обе стороны были довольны. Иногда Хаим просил помочь по хозяйству и семье жившего рядом брата, Надя никогда не отказывалась помочь. Так как никаких претензий к аптекарю у неё сегодня не было — она пообещала завтра придти и поработать. Приготовила, что было необходимо — ведра, тряпки, веники, щетки для побелки. У тети в запасе было ведро гашеной извести — Надя его тоже взяла, и, на следующий день, с утра пораньше, отправилась к аптекарю, прибираться. Жили они недалеко, в двух сельских кварталах, так что с восходом солнца, Надя принялась за работу. По договоренности — аптекарь ночевал у брата, рано утром пришел, посмотрел, спросил — не надо ли чего и ушел, чтобы не стоять над душой. Надя работник ответственный — сама знает, что и как делать...

Был теплый августовский день, чистое ясное небо, тихое, благоухающее садами, спокойное утро; а где-то далеко шла страшная война, и никто в селе не знал, что там и как, на той **войне**, живы ли ушедшие на фронт мужчины, а если живы, то где они сейчас, отступают или наступают, как там Москва, Красная Армия и вообще, советская власть где-то есть еще, сохранилась?!

А в этот самый день — Судьба уже спешила в наше село с наточенной косой, она уже размахивала той косой направо и налево, разбрасывая людей, разрушая судьбы, невзирая ни на

пол, ни на национальность, ни на вероисповедание, ни на возраст. Она целенаправленно пришла сегодня именно в это село и пришла — только убивать и разрушать. Никто пока этого не знал, но все уже было predetermined...на сегодня, а, для кого-то — и навсегда.

Когда примарь пришел на работу, дежурный жандарм, докладывая о ходе дежурства, как-то непонятно, все время пытался смотреть в сторону. Лейтенанту это не понравилось, но на грозный его окрик, жандарм протянул ему какую-то бумагу и тихо, но быстро проговорил: «Час назад верховой привез из уезда, сказал — для вас». Лейтенант машинально взял бумагу, прошелся по ней глазами раз, потом еще раз и еще, еще. Заблокированное с налета сознание, пыталось не допустить информацию на телеграфной ленте к восприятию мозгом. Жандарм, зная содержание телеграммы и характер начальника, на всякий случай отошел на несколько шагов, в сторону двери...А тот вдруг, стал белым, как стена и тихо опустился на стол. «Все... Конец!» — это ощущение охватило его всего, он не мог ни кричать, ни рыдать — только тупо смотрел на бумагу в своих руках и стонал. Текст телеграммы был по-военному лаконичен: «Ваш отец, полковник, такой-то, геройски погиб за Великую Румынию, вчера, возле города Одесса». И — Все.

Просидев около получаса в оцепенении, примарь пришел в себя и позвал жандарма, благоразумно вышедшего перед этим во двор. «У нас что-нибудь выпить есть?»- хриплым голосом спросил он. Жандарм принес бутылку вина. Примарь залпом осушил её, как обычную воду и снова спросил: «А чего-нибудь покрепче нет у тебя?». «Нету, — ответил жандарм — но я знаю, где можно взять!». И продолжил: «Вчера приехали два брата из Ясс, один фельдшер, второй — аптекарь. Мы им помогали разгрузить бричку. Братья пока налегке приехали, на проверку, потом приготовят дома свои и семьи перевезут. Дома у них здесь раньше были, в них они держали амбулаторию и аптеку, но советы год назад, их отобрали. Тот аптекарь налил нам по стаканчику спирта из такой большой бутылки. Думаю, он его (спирт) еще не расходовал. А спирт хороший, медицинский.». «Пойдем, покажешь, где он живет!»- сказал примарь, и они отправились к Хаиму.

Когда подошли к дому аптекаря, остановились у калитки, лейтенант послал жандарма позвать хозяина. Через пару минут жандарм вышел и доложил, что хозяина дома нет, там прибирается какая-то женщина, белит стены, моет. А сам аптекарь, скорее всего, находится у брата — это через огород, на следующей улице, тоже крайний дом. «Сходи, позови его!» — приказал лейтенант, а сам сел на вкопанную рядом с калиткой, скамейку и стал ждать. Его била нервная дрожь, он не находил себе места, но пытался владеть собой и не показывать вида, что ему очень плохо. Буквально через несколько минут прибежал аптекарь, за ним еле поспевал бежать жандарм, а еще следом, — двигался еще боле раздобревший, чем был год назад, фельдшер Маркус. Аптекарь, приблизившись к офицеру, снял шляпу, поклонился, назвал себя и участливо спросил, что с офицером случилось, может какое-то лекарство надо, так у него кое-что в доме имеется...Подошел и фельдшер, тоже представился и поклонился. «Что-то мне нехорошо стало — сказал лейтенант — трясет всего. Может, простудился?». «Ну что вы — вступил в разговор фельдшер — в августе месяце! Может, что скушали не совсем свежее или непривычное?..А давайте-ка зайдем в дом, я посмотрю вас! Чего мы на улице разговариваем!». Зашли в дом, фельдшер сбегал домой за своим походным саквояжем, лейтенант лег на кровать, Маркус его прослушал, прощупал, посмотрел где надо, и заявил, что ничего особенного и неприятного он не заметил, и, вероятнее всего, это следствие нервных перегрузок при такой сложной работе, как у примаря, и в такое тяжелое, имелось (в виду — военное) время. Лейтенант отправил жандарма к месту службы, в примарию, чтобы избавиться от лишних глаз и завел разговор с братьями. Перед уходом, жандарм успел пошептаться о чем-то с аптекарем. Двое братьев, вместе с примарем, прошли в дом и разместились в большой гостевой комнате.

Там стоял массивный дубовый стол, две деревянные скамьи, тяжелый старинный комод, а вдоль одной из стен — тоже старинная, скамейка — канапе, с красивой, выгнутой к стене, сплошной спинкой.

Лейтенант, уже по долгу службы, как примарь, поинтересовался у братьев — кто такие, откуда они, почему именно сюда приехали, и почему сразу не пришли в примарию. Старший из братьев, Маркус, рассказал все как есть: и что они раньше, жили и работали здесь, и что только вчера приехали, что вначале познакомились с двумя местными жандармами, те даже помогли им выпроводить новых жильцов и выгрузить вещи. Они жандармам все объяснили, и решили — привести в порядок свои дома, а потом уже идти и регистрироваться в примарию.

Братья показали примарию свои документы и копию главной ценности семьи Шварцман — Королевского Указа о привилегиях их семьи и приравнивание всех её членов к полноправным румынским гражданам. Указ этот был принят давно, но время его действия не было указано, поэтому все появляющиеся на свет потомки заслуженных предков, официально подпадали под его действие.

Лейтенанту все эти официальные премудрости были далеко безразличны. У него внутри все горело от горя, от злости, от непоправимости и бессилия что-либо изменить из того, что произошло с ним лично, в его семье. Ему надо было как-то забыться, оторваться от дикой действительности, а вместо этого, он выслушивал этих вшивых коммерсантов, для которых любая власть приемлема, лишь бы давала возможность где-то, что-то заработать и — побольше. Он играл роль хозяина села. Боярская гордость не позволяла ему просто попросить дать что-то выпить, а терпеть он больше уже не мог...

Выручил аптекарь, жандарм не зря перед уходом, что-то шептал ему на ухо. Хаим учтиво спросил: «Господин примарь, мы с братом, как раз собирались пообедать, не пожелаете ли вы, разделить с нами трапезу? Как раз вчера, по дороге сюда, мы заехали на городской рынок, и кое-что прикупили на первый случай, здесь же у нас пока ничего нет». Лейтенант согласно кивнул.

Все трое сели за стол, Хаим крикнул на кухню, где после побелки стен, мыла пол Надя: «Надя, подойди сюда!». Через минуту Надя вошла в зал. Раскрасневшаяся, с закаченными рукавами кофты, темно-русой косой, стройная, красиво и крепко сложенная, она была настоящей деревенской красавицей, смело и уверенно смотрела перед собой, но, увидев ненавистного фельдшера и незнакомого офицера, опустила глаза и спросила у Хаима: «Вы меня звали?». «Там на кухне в углу, корзина стоит плетеная, найди в ней помидоры, огурцы, брынзу, лепешки. Колбаска должна была остаться. Приготовь, что есть и принеси сюда, пожалуйста. А вначале, найди там же в корзине, чашки должны быть керамические, принеси их, до того, как еду приготовишь, и набери — графин воды». Надя принесла чашки, воду и пошла на кухню, готовить.

Братья, в компании с лейтенантом, расположились на скамейках вокруг стола. Аптекарь разлил в чашки спирт. В отличие от хозяев, лейтенант не разбавлял спирт водой, всем своим видом подчеркивая, что он не какой-то там «приравненный», а потомственный румын старинного боярского рода. Тем более — сегодня полный хозяин этого села.

Спирт не разбирался, кто хозяин в селе или в этом доме, он делал свое дело...Пока Надя принесла закуску, компания успела выпить по три раза. Сильнейший эмоциональный стресс после полученной телеграммы, бутылка вина и три порции спирта, не прошли для лейтенанта даром. Лицо у него покрылось красно-лиловыми пятнами, глаза еще больше выдвинулись из орбит, дышал он прерывисто и часто. Когда Надя ушла, он спросил у младшего из братьев, Хаима: «А что это у вас за женщина?». «Это соседка наша через улицу, Надя. Раньше пару лет работала у меня. Я попросил её помочь приготовить дом, к приезду семьи» — ответил Хаим.

«А у неё семья есть? — уточнил лейтенант. «Насколько мне известно, — сказал аптекарь —

у неё есть муж и маленький сын. Мужа с началом войны, призвали в Красную армию, он сейчас где-то воюет, а живет она с тетей мужа».

Они выпили еще. Лейтенант спросил, как пройти в туалет, Хаим показал. Выхода из дома было два, даже три, если считать выход через бывшую комнату, где раньше располагалась аптека. Аптека соединялась дверью с домом и имела самостоятельный выход на улицу. Дверь на улицу закрывалась изнутри массивным железным засовом, и, так как давно не использовалась, — была заложена какими-то ящиками, банками, бутылками и прочими бывшими аптечными принадлежностями. Кроме главного входа, в доме был «рабочий» выход с задней стороны, на огород. Дверь этого выхода, тоже закрывалась изнутри на надежную задвижку.

Лейтенант вышел во двор через главный вход, обошел дом вокруг, посетил туалет и таким же путем вернулся обратно. Войдя в дом, решил помыть руки и зашел на кухню. Кухня была довольно просторная, светлая. Первое, что ему бросилось в глаза — в дальнем углу — Надя начинала мыть пол. В руках у неё был старый мокрый мешок, рядом — стояло ведро с водой. Она работала, нагнувшись в сторону угла, спиной к вошедшему лейтенанту, и, понятно, что не слышала его появления. Подоткнутая сзади юбка, ослепительно белые, красивые ноги, маятником мелькавшие перед его глазами: — слева — вправо, справа — влево, такая неуместная мирная обстановка, в чужом для него селе; и все, что накопилось у лейтенанта за этот день, подогретое обилием выпитого, вдруг синтезировалось в одну всепоглощающую мысль: «А ведь это её муж, мог убить моего отца под Одессой! Её муж, этой большевистской твари!!! А я здесь её люблю!».

С горящими ненавистью глазами, он подошел к женщине и обхватил её руками за бедра, пытаясь привлечь к себе. Не ожидавшая такого Надя, вскрикнула: «Не трогайте меня!», резко развернулась и с размаху ударила нападавшего тяжелой мокрой тряпкой по лицу. От неожиданности, лейтенант упал, точнее, сел, на горячую плиту, тут же вскочил и, уже ничего не соображая, разъяренно бросился к Наде. Вспомнил уроки бокса в училище, нанес ей несколько мощных прямых ударов в голову. Надя сразу обмякла и опустилась вдоль стены на пол. Схватив её, безжизненно свернувшуюся клубком, поперек туловища, румын вытащил её из кухни через коридор, в другую комнату, скорее всего бывшую спальню, судя по тому, что там стояла большая, старинная, деревянная кровать без всякого убранства, бросил её на доски, и закрыл дверь на большой крючок. Дом был большой, пьяные братья Шварцманы, оживленно беседовали за столом, и может быть, ничего и не слышали.

Ослепленный какой-то патологической жадой мести, лейтенант сорвал с Нади всю одежду, затем снял себя португую, китель и начал «мстить»... Его не волновало это прекрасное белое тело, эта бархатная еще совсем девичья, кожа, эта соблазнительная пышная грудь. Это, наоборот, придавало ему злости и дикой необъяснимой неудовлетворенности. Он не обнимал и не целовал это полуживое тело, он — с ненавистью щипал, кусал, дергал... Делал, как пытал — зло, остервенело, стараясь сделать все как можно больней. Когда Надя на мгновение очнулась от боли, увидела на себе румына, и вцепилась ему ногтями в лицо — он, не поднимаясь, опять нанес ей несколько ударов в голову, снова отправив в нокаут...

Поиздевавшись над «большевичкой», до полного собственного изнеможения, лейтенант оделся, заправился, смыл кровь на лице, сочившуюся из царапин, потом, наоборот, размазал кровь по лицу и пошел звать братьев. Привел их в спальню и, показывая на свое окровавленное лицо, заявил: «Будете свидетелями нападения на румынского офицера, при исполнении им служебных обязанностей, тем более, в военное время! Я ей только сказал — не её ли муж убил под Одессой моего отца, а она, как дикая кошка, сразу на меня набросилась. Пришлось успокоить... Я уже с ней рассчитался — теперь ваша очередь. Вперед! Работайте на победу Великой Румынии! Покажите свою преданность!». Братья с ужасом смотрели на прекрасное и

беспомощное тело Нади, на её разбросанные в стороны ноги и руки, в душе проклиная тот день, когда согласились снова вернуться в это село.

«Господин, лейтенант! Мы вам верим и все подтвердим, в плане нападения на вас, Только мы не хотим, то есть не можем, и годы не те, и семьи у нас!»- взмолились братья. «Что?! — заорал лейтенант- семьи у вас!. А вот сейчас вас самих, у ваших семей не станет!». Он вынул из кобуры пистолет, взвел курок и направил оружие в сторону Хаима. Тот, увидев направленный в его сторону пистолет, почувствовал, как брюки сами падают с его ног, прыгнул на кровать и быстро взгромоздился поверх Нади...Лейтенант не уходил, стоял рядом. После того, как с кровати свалился Хаим, он показал дулом пистолета — Маркусу: — «Продолжай! И смотрите у меня, не распускайте языки. Ничего не было, никто ничего не видел и не знает!». Только после того, как и Маркус завершил свой «обряд», лейтенант развернулся и, не сказав больше ни слова, ушел...

Перепуганные братья, вышли из дома, оставив там лежащую без сознания Надю, дрожащими руками закрыли главную входную дверь, повесили на неё огромный висячий замок, и, через огород, перешли во двор в Маркусу; отдышались, умылись. Затем, не придумали ничего лучшего, как запрячь коня в бричку и уехать к знакомым в уездный город, за 15 километров. От греха подальше. Тем более, что, по их мнению, — никто на самом деле, ничего не видел и не слышал. А в случае чего — примарь их, наверняка, выручит — прикроет.

...Что-то как будто взорвалось в голове Нади. Она открыла глаза, обвела взглядом окружающее её пространство и, от испуга, — закрыла глаза снова. Она боялась вернуться в этот непонятный и страшный мир, и не понимала — что с нею произошло или происходит. Может это ей снится страшный сон или какой-то бред её накрыл...

Через время, она снова открыла глаза, осмотрелась вокруг, задрожала всем телом и с трудом села. Абсолютно нагая, она сидела на голых досках кровати, одежды нигде не было видно. Посмотрела в окно — на улице уже глубокие сумерки. В полумраке увидела валяющуюся на полу свою разорванную юбку, с другой стороны кровати, в таком же состоянии, нашла кофту. Натянула их на себя, связала разорванные их отдельные части вместе, еще раз осмотрелась и осторожно выглянула в коридор. Там было уже темновато, она заглянула в кухню — никого, прошла по коридору в большую комнату, потом обошла все остальные помещения — нигде никого не было. Её стало страшно — одна — в чужом доме, ночью, раздетая! Что с ней? Откуда такая страшная боль во всем теле, невероятный, страшный шум в ушах, голова раскалывается, а внизу — все печет огнем, как обмазанное перцем? Она покачнулась, села на скамейку у стола в большой комнате и вдруг в её голове что-то снова взорвалось, она откинулась на стол, сидела с закрытыми глазами, а воспаленное сознание закрутило ей калейдоскоп кадров, как из какого-то фильма ужасов: одно злобное лицо человека-зверя сменяло другое лицо, за ним — следующее и так бесконечно долго, пока сознание, наконец, снова вернулось к ней. Надя поняла, что с ней произошло, вернее, почувствовала, а потом — только поняла. Теперь она ясно видела, как бы проплывающие над ней лица своих врагов, которым она ничего плохого не сделала и, которые, с такой дикой ненавистью, ей «мстили». За что?!. Она внутренне почувствовала, что это конец, её конец. Чтобы там не было, жить она дальше со всем этим просто не сможет, да и не дадут ей жить те звери, однозначно. У них власть, у них сила и война на дворе, найдут причину. Да и Коле не дадут жить, и тете Клаве, это же не-лю-ди!

Наде попыталась встать, подвинула с трудом одну ногу — что-то со звоном упало на пол. Она подняла — это была большая двух с половиной литровая бутылка, наполовину чем-то наполненная. Открыла пробку, понюхала — спирт. Хотела отбросить в сторону — а тут же мысль — так это ведь тоже соучастник преступления! Это он (спирт) подтолкнул глупых людей на ещё более дикие поступки! Дальше уже оскорбленное сознание отделилось от самой Нади.

Жестокое решение было принято без её участия, в автоматическом режиме действия организма. Надя открыла бутылку и прошлась по местам бандитской «славы» негодаев: — облила спиртом кровать, где она лежала, стол и скамейки, где они пили, а остатки спирта разлила по доскам пола. Хотела выйти через главный вход, но он оказался закрытым на замок. Открыв изнутри заднюю дверь, вышла во двор, закрыла все ставни на окнах, защелкнула их изнутри на крючки, взяла на кухне спички, и, выходя через ту же дверь на огород, зажгла несколько спичек и бросила их на облитый спиртом стол. Когда стол охватило синим огнем, Надя бросила на него спичечный коробок, плотно закрыла дверь и с трудом передвигая ноги, вышла со двора на улицу.

В абсолютной темноте безлунной ночи, она вышла на дорогу, вдоль которой, всего в двух кварталах, стоял их дом, и где, наверное, ждали её и волновались — тетя Клава и её маленький сынок, Коля. О, как хотелось Наде сейчас их обнять прижать к себе, пожаловаться — поплакаться!.. Вместо этого, она не пошла по улице, а свернула вправо, в узкий переулок, который через какие-то двести метров, упирался в обрывистый берег большого озера. Выйдя на берег, Надя встала на колени, лицом к селу, прочитала «Отче наш», попросила прощения у Господа, у Андрюши, дорогого мужа своего, воюющего с такими же врагами на фронте, у сына своего, Коленьки, у тети Клавы, и всех хороших людей. «Простите, но я с этим дальше жить не смогу. Господи! Покарай, пожалуйста, этих зверей, которым я ничего плохого не сделала!» — это были её последние слова в этой жизни. Она поднялась с колен, развернулась и прыгнула с обрыва в озеро, головой вниз...

Часа через два, село разбудил ночной пожар. Горел дом аптекаря Хаима. Дом был деревянный, и покрыт был тоже деревянным тесом. Когда начали сбегаться люди, он уже горел. Пламя поднялось метров на пятнадцать, вертикальным столбом. На его входной двери висел большой замок. Тушить его никто и не пытался. Во-первых — было поздно, во-вторых — и тушить-то было нечем и некому; в селе остались несколько стариков, а то все женщины, да дети. Постояли, посетовали, поговорили и — разошлись досыпать...

Утром к сгоревшему дому подъехали на бричке два местных жандарма, осмотрели место происшествия, искали какие-нибудь следы. Предварительный вывод был вполне нейтральным: главное, что в доме на момент пожара никого не было, а значит — жертв и вообще пострадавших — нет. Кроме того, была отклонена версия умышленного поджога. Просто повода к этому ни у кого не было. Но, так как дом все-таки сгорел — значит, причину надо искать в неосторожном обращении с огнем, а кто мог неосторожно обращаться с огнем в запертом на замок доме? — конечно же, — хозяин, только два дня назад, приехавший из Румынии и, который в день перед пожаром, по свидетельству очевидцев, — был дома. Но так как хозяин вместе с братом-соседом, дома в эту ночь не ночевали — то надо подождать их появления и все выяснить. Такую предварительную справку подготовили для соответствующих органов, местные жандармы. Никаких других фигурантов по этому делу (пожару) — не имелось, тем более не было причин совмещать это событие с чем-то другим, прямо или косвенно с этим событием, связанным. Просто потому, что никто из посторонних людей не знал, какая трагедия случилась в этом доме, именно в день предшествующий пожару. Не знал даже жандарм, приведший в тот злополучный день, в тот злополучный дом, лейтенанта — сельского примаря...

Через день в селе появились братья Шварцманы. Еще по въезду в село, от тех же жандармов, они получили информацию о пожаре. Маркусу пришлось отхаживать шокированного известием младшего брата, которого схватил сердечный удар — ведь в доме сгорели не только привезенные им отдельные ценные лекарства, но и семейные документы, деньги и какие-то вещи. Когда приступ прошел, более серьезный и рассудительный Хаим сказал старшему брату: «Я чувствую, — это только начало, братец. Я понял это еще позавчера, когда увидел этого высокомерного дебила — лейтенанта. Где он взялся на нашу голову?! Мы для него — никто.

Увидишь, в случае чего — он все свалит на нас!».

Сам лейтенант — примарь, естественно, был в курсе событий, связанных с пожаром, но всеми своими действиями, показывал, что да, его это событие волнует, но он никаким образом к нему не причастен и у него других дел — выше головы. Пусть этим делом занимаются жандармы, это их хлеб. Понятно, что ни ему, ни жандармам, ни братьям Шварцманам, и ни кому другому, не была еще известна судьба Нади. Они полагали, что она дома и о том, что с нею случилось в доме Хаима, она, понятное дело, никому не расскажет, по многим причинам. Всех причастных к этому событию людей, успокоило сообщение, что в сгоревшем доме не было обнаружено сгоревших людей. Это было для них главное, все остальное — дело обычное...

...Тетя Клава, отправив Надю к аптекарю, помогать готовить дом к приезду его семьи, понятное дело, надеялась, что в дальнейшем, он (аптекарь) опять же возьмет Надю к себе на работу. Жить-то надо. А семья у Хаима была приличная, — умная, грамотная жена, воспитанные дети, постоянная, неплохо оплачиваемая работа, в тепле — что еще надо при сельской безработице! Да и Николаю уже второй годик пошел, с ним уже можно общаться, он начал ходить сам, многие слова знает и все понимает. Так что она отпустила Надю на работу, в тот день, с легким сердцем. Но Надя не вернулась, ни к ночи, и ни к утру...

Зная её, как серьезную и ответственную женщину, которая, если надо, сможет постоять за себя и никаких глупостей не допустит, тетя особо не переживала. Может, там куда-то надо было пойти, или поехать, может что-то еще случилось, но, узнав, что именно в эту ночь, дом аптекаря полностью сгорел, тетя не на шутку забеспокоилась. Она почувствовала сердцем, что в том доме, что-то случилось. Случилось что-то очень нехорошее, и, дай Бог, чтобы это нехорошее, не коснулось именно Нади.

Она собрала Николая и пошла на улицу, где раньше стоял дом аптекаря. Там ещё дымились остатки стен дома; два жандарма и один какой-то неизвестный мужчина, гражданский, ходили по пепелищу, что-то писали, опрашивали соседей в качестве свидетелей, но никто из них ясности в расследование так и не внес, потому, что никто из опрашиваемых, ни до пожара, ни во время его, возле дома никого не видел. Клава хотела спросить у аптекаря, куда подевалась Надя и была ли она вообще вчера у него в доме, но спросить было не у кого, так как оба брата, по словам очевидцев, задолго до наступления темноты, отбыли куда-то на своей бричке и пока не появлялись. Так как о Наде спросить было не у кого, то тетя Клава, отправилась вместе с Колей домой, надеясь выяснить, что и как, по приезду братьев. Может Надя с ними куда-то поехала по каким-то делам...

Проходя по улице, тетя Клава слышала, как кто-то тихо её позвал: «Клава, подойди сюда, дочка!». Через дорогу от сгоревшего дома аптекаря, жила знакомая старушка — молдаванка. Когда-то она дружила с Клавиной мамой, а сама Клава вместе с её дочкой, ходила в сельскую школу. Потом пути их разошлись, но они остались подругами. Правда, виделись еще «при румынах», до 1940 года. Тогда подруга жила в Кишиневе и уже имела свою взрослую замужнюю дочь.

Клава подошла ближе к забору; женщины не было видно, закрывали ветки вишневого дерева. Она так и не показалась. «Знаешь, Клава, прости, но я не хочу, чтобы нас видели вместе. Просто боюсь. Боюсь за дочку и её семью» — тихо проговорила женщина. — «Я жандармам с утра ничего не сказала. Мол, ничего не видела и не слышала, а тебе скажу: Вчера я, как всегда, рано поднялась, покормила курочек своих и сидела на скамеечке, здесь, где и сейчас сижу. Видела, как твоя Надя пришла с ведрами к аптекарю. Он сам вышел, встретил её и повел в дом. Больше она из дома не выходила. Ближе к обеду, пришли двое румын — тот, который у нас сейчас примарем, а второй — жандарм, который с ним пару месяцев назад прибыл. Потом жандарм прошел через аптечный двор, во двор к Маркусу — вернулся уже вместе с аптекарем, за

ними фельдшер пришел, Маркус. Потом они все вместе зашли в дом Хаима; потом Маркус принес свой походный чемоданчик, может кому-то плохо стало. Вскоре жандарм ушел. Из дома долго никто не выходил. На несколько минут выходил во двор примарь, на огород ходил, в туалет, наверное. Еще через долгое время, из дома вышел тот же примарь, с окровавленным лицом и, шатаясь, куда-то ушел. После этого вышли братья, фельдшер и аптекарь, закрыли входную дверь на большой замок и, через огород, ушли во двор к Маркусу. Больше, никто в дом не входил и из него — не выходил, до самой ночи. А вот уже ночью, кто-то вышел из калитки и медленно пошел в сторону большой дороги. Было очень темно, я и днем-то не очень хорошо вижу, поэтому и не могу сказать — кто это был. Вот и все, что я тебе хотела сказать, Клава. Но ты меня не видела и я тебе ничего не говорила. Я просто боюсь за семью дочки, у неё и так мороки много. Не обижайся, пожалуйста».

Клава вернулась домой. Чувствовалось, что что-то здесь не так, но она решила дожидаться появления братьев и расспросить их более подробно. А может и Надя с ними прибудет, мало ли что бывает. В плохое верить — не хотелось.

На следующий день, она узнала, что братья появились в селе, и отправилась к ним за выяснениями, куда подевалась Надя. Братьев уже опрашивали жандармы по поводу сгоревшего дома, уточняли возможные причины пожара, спрашивали — затапливали ли в тот день по каким-то нуждам печь-плиту или еще что-то, ну и так далее. Был ли кто-нибудь посторонний дома. Они сказали, что была приглашенная знакомая работница, да, она грела воду на плите. Но потом она ушла, после обеда, братья закрыли дом на замок и уехали в город. Это было позавчера, ближе к вечеру, а ночью дом сгорел... На вопрос Клавы: «Так, где же все-таки Надя?» — братья в один голос ответили: «Да, была, поработала и после обеда — ушла, потом мы закрыли дверь и — уехали. В доме все было нормально, ничего не горело, когда мы уходили». Короче говоря, братья повторили все то, что сказали жандармам. Больше они ничего сказать не могли, потому, что и сами не знали, где Надя... Спрашивать дальше было бесполезно, и Клава в сильнейшей тревоге отправилась домой.

Прошло несколько дней. И снова — новость! Дети купались на озере, потом перепуганные разбежались по домам, сообщив взрослым, что к берегу прибило тело утопленника. Сбежались люди, двое жандармов вытащили из воды тело женщины, в изорванной одежде. Над телом и особенно лицом, поработали раки, повырывали местами тело до костей. Позвали фельдшера Маркуса. Он вместе с жандармами, осматривал тело. Ранений, огнестрельных, колотых, и т. п. обнаружено не было. Они сделали заключение, что насильственного потопления не было, а скорее всего, было совершено самоубийство, по причинам никому, кроме самой утопленницы, неизвестным. Предварительное медицинское заключение было подтверждено и прибывшими из уездного центра, врачом — криминалистом и следователем уездной прокуратуры. Тетю Клаву привозили на опознание, и она подтвердила, что это тело жены её племянника, Надежды.

Смерть Нади всколыхнула все село, и хоронили её тоже всем селом. Люди строили разные догадки. Чувствовалось, что здесь что-то не так, что кто-то довел молодую женщину до такого состояния или даже «помог» ей броситься с обрыва в озеро. Многие шептались по за углами, но никто не мог ничего противопоставить официальному медицинскому заключению, по той простой причине, что никто ничего точно не знал, а те, кто знал — никогда об этом сами не сказали бы, по многим причинам. Маленькому Коле, похороны мамы не показали, он постепенно начал называть тетю Клаву — мамой, точно так же, как называл её же, когда-то, его отец, Андрей.

...Жизнь в селе продолжалась. Появлялись какие-то новые проблемы, большие и малые, но случай с Надей «завис» над селом, как что-то страшное, грязное и несправедливое, а скорее, — преступное; и никто не верил, что в этом деле была поставлена точка. Не та, официальная, а —

Настоящая, соответствующая действительности.

Все причастные к произошедшему случаю лица, все без исключения, находились в непонятном состоянии тревожного ожидания чего-то, чего-то для них неприятного, а вот чего именно — они не знали, просто чувствовали. И — все.

Лейтенант- примарь, вначале хотел как-то избавиться от мелькавших почти ежедневно перед его глазами, братьев Шварцманов, даже подсылал к ним жандарма с предложением переехать в другой район, а потом решил, наоборот, никуда их не выпускать из поля зрения, держать при себе и контролировать все их поведение. Они трусы и не посмеют здесь, при нем, сболтнуть лишнего.

Для «сексслучайных» братьев — Маркуса и Хаима, проблемы с Надей, были ничто, по сравнению со сгоревшим аптекарским домом, уничтоженными огнем документами и деньгами. Понятно, что пока можно будет пожить обеим семьям в доме Маркуса, там места хватит. Можно снять или купить другой дом под аптеку; можно, конечно восстановить все документы, но сколько, в условиях такой войны, на это уйдет времени, нервов, а главное...Денег!?. И где он взялся на их голову, тот лейтенант! Вот что значит — попасть не в то место, не в то время и не к тем людям. Многие отдали бы братья, чтобы переиграть тот злополучный день, забыть его, вычеркнуть!. Но нет, судьба была уже predetermined и они это интуитивно чувствовали. А тут пришла еще одна приятная неприятность для братьев: — их семьи, с багажом выехали из Ясс и придут в село через два — три дня. Готовьтесь. Вроде бы и ждали, и звали, и, наконец, дождались на свою голову, хотя внешне это было обычно и даже очень хорошо. Действительно, через пару дней обе семьи братьев, на большой арбе, прибыли в село. Особой радости братьям это не прибавило.

...Клава, мы теперь не будем добавлять к её имени титул «тётя», полулежала на диване у себя дома. На груди у неё, обхватив ручками её шею, мирно посапывал Коленька. Клава тихонько целовала его в макушку, нежно гладила рукой по спинке, смотрела на это беззащитное родное дитя и думала...

Все повторяется в её судьбе. Можно было бы сказать и — ЗА ЧТО МНЕ ВСЕ ЭТО? — по- одному, и — ЗА ЧТО МНЕ ВСЕ ЭТО! по- другому...Все зависит от интонации голоса и от человека, которого все это касается...

Клава родилась в этом селе, за пять лет до начала двадцатого века. Отец — ученый агроном, и тогда, и еще лет двадцать после её рождения, служил управляющим имением одного важного бессарабского боярина. Его (боярина) дом, с огромным парком вокруг, сохранился в центре села до сих пор. Мама была из семьи немцев-колонистов, расселившихся по югу Бессарабии и в районе устья Днестра. Мама, педагог по образованию, владела несколькими языками. Они с отцом познакомились в Одессе, когда были еще студентами. Там и поженились. Отца направили на работу в одесское земельное управление, а потом его переманил в это село хозяин здешней усадьбы. Они переехали сюда из Одессы, в первую очередь из-за здоровья мамы. После рождения старшей сестры, Марии, мама начала часто болеть. После рождения Клавы, её здоровье еще более ухудшилось. В селе ей стало лучше со здоровьем, место здесь чудесное — небольшие горы, лес, озера чистые, травы всевозможные. Мама все свое время отдавала дочкам. Мария и Клава, поочередно закончили гимназии, Мария прошла обучение в медицинском училище и была направлена на работу в железнодорожную больницу города Бендеры. Там вышла замуж за мастера железнодорожных ремонтных мастерских. После рождения сына, Андрея, они получили квартиру в большом доме, принадлежащем железнодорожной станции. Клава училась в педагогическом лицее и при распределении — тоже попросилась в город Бендеры. Город ей очень нравился и местом своим, и людьми. Добротный такой, чистенький, аккуратненький городок, и стоит на перепутье многих дорог. Жила она вначале в семье сестры, квартира у них

была из трех комнат, так что места хватало всем. Клава, как педагог, свободно владела пятью языками, в том числе — немецким в совершенстве, благодаря маме, а также французским, румынским, русским и украинским. Взяли её сразу в отдел образования города, она хотела пойти учить детей, но руководство решило по-своему.

Познакомилась с молодым человеком, инженером-путейцем, начали думать о свадьбе и тут пришел разрушительный 1917 год... Полюбившийся ей молодой инженер, умный, красивый, ласковый, был вдобавок еще и революционером, членом большевистской коммунистической партии. В январе 1918 года, в Бендерах провозгласили советскую власть, но уже 7 февраля того же года, в город вошли румынские войска. Среди защитников города и советской власти, было много железнодорожников. Румынская власть жестоко расправилась с теми, кто воевал против них. Более 500 человек были расстреляны у стен железнодорожного депо, в том числе и муж Марии. Когда Мария, вместе с другими женщинами, пробралась к месту расстрела, чтобы забрать тела своих мужей, отцов, детей и похоронить их — по ним тоже открыли огонь и Мария тоже погибла. Клава только через несколько дней узнала об этом, но было уже поздно — все трупы были убраны и где-то за городом похоронены или сброшены в Днестр.

Она осталась дома одна с двухлетним Андрюшей. Жених-коммунист и отдельные его соратники, ушли в подполье, их постоянно искали, устраивали облавы, обыски. Чтобы как-то жить, Клава вынуждена была нанимать няньку для Андрея и ходить на работу. С женихом своим встречалась редко, в нелегальном порядке. Так продолжалось более года. Потом было так называемое Большое Бендерское Восстание, 27 мая 1919 года, когда восставшие бендерчане, под руководством большевистских активистов, вынудили сдать румынский гарнизон и продержались у власти ровно один день. Подтянув дополнительные войска, румыны жестоко подавили восстание. Было много арестованных, а 150 человек активистов, было расстреляно, в том числе и жених Клавы. Недели за две до этого он встретился с Клавой, попросил, если есть куда, срочно уехать из города, так как надвигаются суровые события и ей просто нельзя рисковать собой и племянником. Хотя они пока не муж и жена, но все равно надо ей уехать, от греха подальше.

Как раз недавно пришло письмо от мамы из села. Мама писала, что когда узнала о гибели Марии, ей стало плохо, и она просила Клаву приехать, а то может её уже не застать. Письмо было кстати. Клава показала его на работе своему румынскому начальнику и попросила отпустить её к маме. Начальник отпустил её в тот же день, так как был рад поменять «украинку» — на румынку и без всяких ненужных проблем. Клава с Андрюшей выехали поездом в Кишинев, а потом уже на попутных подводах, добрались до своего села. Мама была очень рада их приезду, повеселела, ей стало гораздо легче, тем более, она еще и впервые увидела своего внука, Андрея. Они зажили втроем; отец ушел из жизни еще в начале германской войны. Беспощадная судьба, сделав 22-летний жизненный оборот вокруг Клавы, как бы очертила своим циркулем глубокий ограничительный круг, не позволяющий ей изменить что-то; и сегодня — все повторилось: опять она одна, только вместо Андрея, которого она поднимала столько лет, — её обнимало маленькое, беспомощное родное существо, которое теперь тоже будет надеяться только на неё — внучатый племянник — Коля. Без мамы, без папы, но с родной по крови, любящей женщиной. И она никому его не отдаст — это последнее, что её связывало с этой жизнью. Она — постарается...

Так как оплачиваемой работы в селе не было, то и денег у людей — тоже не было, ни румынских леев, ни тем более, оккупационных немецких марок. Люди жили с рынка. Продавали (у кого было) — продукты, вещи, скот, птицу и с того жили. В селе рынка не было, внутренний обмен был, конечно, а на рынок приходилось ездить в город, за 15 километров. В городе рынок работал шесть дней в неделю, и почти в каждый «базарный» день, туда ездили одна — две

специальные подводы — в качестве «такси», в зависимости от количества желающих ехать. У нескольких человек был такой транспорт, имелось специальное разрешение, и они постоянно занимались таким извозом: — выезжали пораньше в город, к рынку, до определенного времени там ждали, потом — везли сельчан обратно в село. С ними ездили и те, кому необходимо было в город по различным делам. Иногда Клава тоже ездила на рынок, чтобы что-то продать и занять денежку, для покрытия каких-то текущих нужд. Оставляла Колю на время отсутствия — у соседки. Он её знал и проблем с этим не возникало.

В одну из таких поездок, на рынке к ней подошла давнишняя подруга, одноклассница еще по гимназии. Обе очень обрадовались встрече, разговорились. Подруга окончила юридический лицей, пошла по стопам своего отца: тот еще при царе, был прокурором города. Сама подруга работала секретарем городского суда, при всех режимах, включая тот, недолгий — советский, в 1940-41годах. Она и сейчас там же работала. Судейские по роду своей деятельности знают многое из того, что творится в городе, даже многое такое, что и знать-то не всегда надо... Она была умная, красивая, пробивная, ну, в общем — довольно успешная. Сказала, что слышала о беде в семье Клавы и поинтересовалась — не появилось ли чего-то нового в этом деле. И тогда Клава решила облегчить истерзанную душу, и рассказала подруге все, что знала и предполагала. Рассказала и то, что ей поведала по секрету про тот злосчастный день, старушка, соседка аптекаря.

В конце сказала: «Я абсолютно уверена, что братья Шварцманы, недавно переехавшие в село из Ясс, сельские жандармы и примарь села, что-то знают, но вряд ли когда-то что-то скажут! А как мне с этим жить, сироту воспитывать?!. Да и люди в селе считают Надю в чем-то виноватой!».

«Так ты говоришь, что у одного из братьев все документы в том доме сгорели? Тогда он обязательно придет к нам, или в комендатуру. Иначе его не зарегистрируют в нашем уезде. Вот тогда мы у него все и спросим. Есть у меня люди и в немецкой комендатуре. В городе, кроме румынских органов власти, есть еще отделения и германской власти. Они как бы и не вмешиваются в нашу работу, но определенный надзор ведут. А это как раз тот случай. Я постараюсь помочь тебе, подруга»- сказала секретарь суда и они расстались. Клава только попросила подругу не называть нигде её имени и той старушки — соседки. Иначе им тогда в селе — не жить. Подруга успокоила Клаву, заявив, что, если все, что она (Клава) рассказала — правда, то с братьями поговорят настолько серьезно, что они сами все и обо всех, расскажут.

Все так и случилось. Без документов, тем более в военное время, никто Хаима в примарии регистрировать не стал, хотя все его в селе знали. Когда они с Маркусом, приехали в город и обратились в комендатуру, их попросили подождать какого-то там начальника отдела. Где-то, через час, Хаима пригласили в один из кабинетов. Там находился мужчина средних лет, в гражданской одежде. Говорил он по-румынски с заметным немецким акцентом. Тактично расспросив Хаима, в чем его проблемы, и выяснил, что целью его прихода, является желание начать восстановление документов, сгоревших некоторое время назад в таком-то селе. Чиновник его внимательно слушал, потом начал задавать наводящие и уточняющие вопросы.

— «Так, где вы говорите, сгорели ваши документы?»- спросил он.

— «В Доме, моем доме» — ответил Хаим.

— «А кто в доме был днем, перед пожаром?»- продолжал мужчина.

— «Я и мой брат, Маркус. Мы закрыли дом на замок после обеда и уехали. Дом был пуст» — ответил Хаим.

— «А еще кто-то был?» — вопрос.

— «Больше никого» — ответил Хаим.

— «Вспомните хорошенько, может все-таки кто-то еще был?» — вопрос.

— «Да нет, никого больше не помню»- неуверенно протянул Хаим.

Мужчина встал, снял пиджак, повесил его на спинку стула, вынул из бокового кармана пистолет, положил его на стол, затем резко нагнулся к Хаиму, схватил его двумя руками за воротник вязаной кофты, притянул к себе и, глядя ему в глаза, закричал на- немецком: «Ты, «приравненный» румын! Зачем тебе документы — все твои данные у тебя на лице написаны! Зачем ты поджег свой дом, какое преступление вы с братом захотели скрыть этим пожаром?». Затем он взял пистолет, приставил его к голове Хаима и еще громче заорал: «Нам все известно! Так, кто еще был в доме в тот день!?!». Хаима била нервная дрожь. «Был еще лейтенант, примарь нашего села» — выдавил он из себя.

— «Что он там делал?» — снова крик.

— «Он с нами обедал» — Хаим.

— «Вы только кушали или что-то пили?»- вопрос.

— «Мы кушали и пили...спирт» — пролепетал Хаим.

— «Тот лейтенант требовал у вас спиртное или может, просил?»- уточнил мужчина.

— «Нет, мы просто его угощали» — Хаим.

— «И долго это продолжалось?»- вопрос.

— «Долго — ответил Хаим, — часа два или три».

«Это еще отягчающие обстоятельства. Похоже на подкуп или дачу взятки должностному лицу. Вы поили лейтенанта, надеясь на его хорошее к вам расположение или какие-то привилегии в будущем. Все понятно. Кстати, а где сейчас ваш старший брат?» — уточнил мужчина. «Ждет меня в бричке, на улице» — с перепугу ляпнул Хаим. Мужчина выглянул в коридор и кого-то позвал. Зашли два крепких молодых парня. Он передал им Хаима, сказав: «Этого заберите к себе, дайте ему бумагу и ручку с чернилами, пусть он все подробно распишет, по минутам, он знает о чем. Помогите (он сделал упор на этом слове) ему вспомнить все, что и как было. Напомните ему и про женщину, которая в тот день тоже была у них в доме, а потом её нашли утопленной в озере. И — приведите сюда его брата. Его зовут Маркус, он с бричкой находится где-то рядом, на улице. Посмотрим, что он еще скажет».

Через несколько минут, в кабинет следователя местного отделения гестапо (а мужчина, который опрашивал Хаима и был как раз тот следователь), привели Маркуса и все повторилось снова. Маркус, не понимая, в чем причина его задержания, начал с апломбом говорить, из какой он особой еврейской семьи и т. д., что это ошибка и что за неё кто-то ответит; следователь, которому все было уже ясно и довольно-таки надоело, грубо усадил его на стул и громко сказал: «Нам уже все известно о ваших похождениях в день, когда сгорел дом вашего брата. Он уже дал письменные показания. Сейчас вам дадут бумагу и чернила — напишите все, что знаете по тому дню. Предупреждаю — пишите подробно и только правду...В противном случае, — да лучше вам об этом не знать, что будет «в противном случае», потому что вы находитесь у следователя отделения гестапо».

К концу дня все формальности были окочены. Братья дали самые подробные показания, особо подчеркнули негативную роль лейтенанта — примаря, заставившего и их стать соучастниками преступления в тот день, помимо их воли. А что они не доложили никуда об этом — так тоже, из-за того, что боялись того же примаря. А так они более, чем лояльны к власти и правительству Великой Румынии.

Когда они все написали и подписали — были снова доставлены к следователю. Он презрительно заявил: «Наш друг, маршал Антонеску, недавно принял очень правильное, и, на наш взгляд, очень своевременное решение — депортировать всех евреев из присоединенных территорий — Бессарабии и Буковины. А куда? — только на Украину, а там сегодня хозяева мы — немцы. Добро пожаловать! Вы будете первыми «переселенцами» из этого города в новый

еврейский концентрационный лагерь, развернутый возле города Могилев-Подольский! Естественно, вместе с вашими прибывшими семьями, чтобы не скучно было. И берегитесь случайных половых связей! Как вы убедились — они к добру не приводят!». Братьев арестовали. Когда их выводили, немец не выдержал и добавил: «Ну ладно, мы сами далеко не ангелы, но как вы, МЕДИКИ! могли оставить в пустом доме, полумертвую раздетую женщину, хорошую вашу знакомую, зная, что у неё дома маленький ребенок, закрыли дверь на замок и спокойно уехать?! Вам что и это тот глупый лейтенант приказал сделать?!». На второй день, к дому Маркуса подъехала машина-фургон. Семьям объяснили, что их перевезут на новое место жительства, а их мужья уже там и ждут их... Больше о братьях Шварцман никто ничего не слышал.

Лейтенанта — примаря, вместе с двумя жандармами, вскоре неожиданно вызвали в Кишинев, по слухам, якобы на повышение, за хорошую работу. Прибыли в село: новый примарь и другие жандармы. Через них и через другие источники, позже стало известно, что того лейтенанта разжаловали до рядового, а потом всех троих, отправили на фронт. Так было поставлена точка в истории с самоубийством Нади. Село еще раз пережило эту трагедию, но уже совсем в новом свете.

А Коля рос с бабушкой Клавой, называл её мамой, так ему было легче говорить и они вдвоем надеялись дождаться — для кого — папу, для кого — племянника — Андрея, от которого по понятным причинам, никаких вестей не было.

А впереди было еще четыре года страшной войны, а для их села — еще целых три года ненавистной оккупации. И только в конце августа 1944 года, седые молдавские Кодры снова увидели Советские войска, «НАШИ» войска,(как называли их тогда 90 % населения Бессарабии). И опять (в который раз!), были разгромлены германские захватчики и опять с позором, уходили перекрасившиеся в «друзей», румыны. Только на этот раз наши пришли не прямо с Востока, как всегда, а с Северо-запада, чтобы не терять время и людей на ликвидацию мощного Бендерского укрепленного узла, они обошли его через север Молдавии, и в результате стремительной Яско-Кишиневской операции, освободили территорию Молдавской ССР.

Когда, уже после освобождения Кишинева, по кишиневской трассе, проходили различные подразделения наших войск, все село выходило к дороге и приветствовало их. Кто нес воду, кто молоко, вино, компоты, цветы...Люди даже где-то находили красное полотно и делали подобия флагов. А маленькому четырехлетнему Коле, сидевшему на руках у Клавы, какой-то солдат одел на голову, красноармейскую пилотку, погладил по голове и поцеловал. Николай хранил эту пилотку всю жизнь, считая, что её подарил ему его отец. Вот так, в 1944 году, вернулись в Молдавию и в наше село — НАШИ!

С высоты нынешнего времени, так и хочется спросить — НАДОЛГО ЛИ?!

Уже где-то в году 1950-м, в ответ на многочисленные запросы Клавы в разные инстанции, пришел ответ из Генерального штаба Министерства Обороны СССР, что благодаря школьным поисковым группам Одесской области, удалось уточнить имена погибших в одном из захоронений, у села Великий Дальник, под Одессой. Был найден солдатский медальон с номером, фамилией, именем и отчеством Андрея. Но никаких других сведений по нему нет, поэтому, его, Андрея, считают погибшим в боях за свободу нашей Родины, в боях под городом Одессой в июле — августе 1941 года.

Значит, не зря Андрей и тысячи его однополчан, сложили свои головы под Одессой и в других местах. Это было надо, чтобы НАШИ все-таки — Вернулись! А захватчики — ушли. Плохо только, что они (захватчики), слишком быстро забывают об этом! Наверное, слишком «вежливо» мы их всегда выпроваживаем. А надо так выпроваживать, чтобы у них никогда больше не появлялось желания приходить к нам в качестве «хозяев». Надо их (любых) так гнать с нашей земли, чтобы они навсегда теряли охоту идти на нас войнами. Чтобы от одной мысли о

возможном конфликте с нами, их бросало в безостановочную дрожь. Плохо быть злыми. Но для нас — еще во много раз хуже — быть добрыми. Проверено неоднократно. Ибо Добро часто порождает Зло. Когда мы к врагам своим относимся по-доброму, они думают, что мы их боимся. Ну и пусть думают. Зато мы так не думаем и никогда так думать не будем...

Глава вторая

РАСЦВЕТ

Сколько человеческих жизней унесла та страшная война! А скольких живых она перемолола, перемесила и переместила по великой стране, подчиняясь какой-то высшей воле, обеспечившей, в конце концов, долгожданную Победу и так необходимую для наших людей передышку, от всего того ужаса, что продолжался более четырех лет. Поставив победную точку в войне и отложив в сторону оружие, люди — оглянулись вокруг и ужаснулись тому, что их окружало, на что во время боев, некогда было обращать внимание...

Сожженные и разрушенные города и села, заводы, фабрики, колхозы и совхозы. Заросшие поля, изрытые окопами и гусеницами танков и напичканные минами. Разрушенные: — мосты, дороги, школы, больницы; тысячи калек на улицах — без рук, без ног, беспризорные дети, оставшиеся без родителей. Все это хотело просто жить, где-то спать, что-то есть и пить. Изнуренная войной страна, пыталась быстрее восстановиться и защитить своих людей уже от внутренних врагов — болезней, ран, голода, холода, да и от разгула преступности, как неизбежного явления в такие периоды — победной эйфории, бесконтрольности и безнаказанности. Нужны были кадры специалистов, особенно для районов, освобожденных от захватчиков в последний год войны, тем более для тех, в которых советская власть и до войны была меньше года. Молдавия как раз и была одним из таких регионов и внимание центральной власти, было для республики более чем необходимо.

Специалисты разных профилей направлялись сюда прямо вместе с предприятиями, которые оперативно обустроивались и, чуть ли не «с колес», начинали выпускать продукцию, в первую очередь для нужд фронта и для обеспечения жизненного уровня населения. Для прибывающих из России и Украины людей, Молдавия вовсе не была какой-то «присоединенной» территорией. Все советские люди считали её такой же своей, как и все другие республики и старались своим участием поднять край, лежащий в руинах. В республику было направлено значительное количество вышедших из боев военных, среди которых многие имели до войны так необходимые здесь профессии — педагогов, инженеров, агрономов, врачей, управленцев и т. д... Таким образом, жителем Молдавии, на всю свою послевоенную жизнь, стал и Федор Чугунов, закончивший войну под Кишиневом, в августе 1944 года. А начиналось все так:

Дальнейшую судьбу майора, Федора Чугунов, решала военно-врачебная комиссия кишиневского госпиталя. Дежурная по госпиталю медсестра, как-то сказала ему по секрету, что его вроде бы готовят на выписку. Восемь длинных беспощадных месяцев прошло с той поры, когда его на машине самого командующего армией, привезли в госпиталь, прямо с поля боя. Во время завершения ЯССКО-Кишиневской операции, уже на подступах к Кишиневу, танк командира полка Чугунова, налетел на мину, остановился с рассоединенной гусеницей и стал удобной мишенью для вражеских орудий. Экипаж успел вытащить командира из машины, за несколько секунд до того, как после прямого попадания, взорвался остаточный боекомплект, и машину буквально разнесло по частям. Двое оставшихся в живых танкистов, несли майора на руках в сторону города, пока их не догнали две машины из штаба армии. На одной из них майора и привезли в госпиталь. Как сказал тогда дежурный врач — еще бы минут двадцать — и помощь ему была бы уже не нужна. Повезло, что было близко к городу, где возможно было оказать необходимую помощь.

Врачи боролись за его жизнь — подрезали, сшивали, приращивали. Собственно, они боролись первые месяц-два, дальше — он боролся больше сам. С ранами, с болью, и с самим

собой, что было труднее всего. Он, обожженный, израненный, сшитый из кусков, не сдавался. Он не только стремился выжить, нет! Он хотел — Жить! Жить полнокровной жизнью достойного человека, а не вызывать жалость у окружающих своей немощью. А было-то майору тогда, всего 24 года!..А из них — четыре года войны — от Выборга в 1940, до Кишинева, в 1944 — ом. Обидно, конечно. Полк его уже до Австрии дошел, а он все это время по процедурам специализировался. Ребята из полка иногда писали, надеялись на его скорое возвращение. Да какое — там возвращение! — Ходить бы по-настоящему научиться!. Хотя, надо отдать должное медперсоналу госпиталя, — они его добросовестно «подремонтировали». Внешне даже не скажешь, что он перенес несколько операций, пересадок и т. п... Лицо, к счастью, у него не было повреждено, а все шрамы на теле, прикрывала одежда. Осталась одна внешняя проблема — на изуродованную кисть левой руки, пришлось надеть специальную кожаную крагу-перчатку. И, как не раз говорила старшая медсестра: — «Наш майор Федя — стал как новенький». Истосковавшееся по работе молодое, крепкое тело — желало действий, желало жизни!. Он ведь, кроме войны — ничего в этой жизни еще не познал. После металлургического техникума, пришел на завод, а тут финская кампания началась, его сразу призвали, потом училище и новая война. Воевал он достойно, надеялся дойти до Берлина, но дошел только до границы Советского Союза, — дальше, не получилось...По письмам земляков — узнал, что его отец и старший брат, погибли под Москвой в 1941 году. У матери — тоже сердце не выдержало. Была у него и девушка, одноклассница, так еще, когда он ушел на финскую войну, — вышла замуж.

После почти восьмимесячного пребывания в госпитале, лечащий врач, как-то, при утреннем обходе, вскользь оговорился, что врачебная комиссия занимается сейчас подготовкой решения по определению степени инвалидности, его, майора Чугунова. Готовят документы на первую группу. На что Федор, полушутя, тогда сказал: «Доктор, передайте главврачу, у меня есть наградной пистолет, он сейчас у вас в сейфе хранится. Так вот, если, вдруг, вы меня официально, инвалидом оформите, мне придется использовать оружие для ликвидации вашей комиссии».

Когда лечащий врач, смеясь, докладывал об этих словах майора, главному врачу госпиталя, тот отнесся к ним серьезно: «А ведь он может!».

Потом Федора пригласили, чтобы сообщить о решении комиссии. Главврач госпиталя поблагодарил его за все — и за отвагу, и за мужество, и за терпение, проявленное в ходе лечения. Спросил, как самочувствие и что собирается делать после выхода из госпиталя, завтра его выпишут. Выпишут с правом служить и работать, конечно, с определенными физическими ограничениями. Федор, в свою очередь, поблагодарил врача за все, что они, все вместе, для него сделали за это время. Он был готов обнять главврача в знак особой благодарности, но правила субординации не позволили.

На завтра — его выписали. Довезли до республиканского военкомата. Там майора поставили на учет, кратко побеседовали, выдали ордер на комнату в коммунальной квартире.

Федор не успел в квартире даже освоиться, как был вызван к Военному Комиссару Республики. Боевой генерал, в то время — Военный Комиссар, принял его как коллегу-однополчанина, они воевали не только в составе одного фронта, но и одной армии. После стандартных вопросов о самочувствии и обустройстве, генерал сказал: «Для тебя, майор, боевые действия закончились, но война продолжается для всех нас, и для тебя в том числе. Фронту надо помочь и не только в плане обеспечения и кадрами, но и восстановлением и ремонтом военной техники. Есть у нас, на севере республики военные ремонтные мастерские, в городе Бельцы, они функционируют уже несколько месяцев, работы в них идут круглосуточно. Войска нашего с тобой фронта, ведут бои в сложных условиях: — пошли горы — Карпаты, Альпы, бездорожье, ожесточенный противник — все это способствует выводу из строя техники и вооружения. В настоящее время в мастерских нет начальника. Вот решили тебя туда направить. Ты всю войну связан был с

техникой и оружием, поэтому для тебя это не будет чем-то необычным и непонятным, но сегодня — это тоже фронт. Армии надо помочь, каждая возвращенная в строй боевая единица — приближение к Победе. Тебя агитировать не надо. Постарайся, майор Чугунов, я в тебя верю!».

В тот же день Федор выехал в Бельцы. Истосковавшись по живой работе, он принял на себя нелегкую и ответственную миссию. Вокруг ремонтных мастерских, на многие сотни метров, в разных положениях, стояли сотни покалеченных машин, танков, тракторов, тягачей и другой техники, и нашей, и трофейной. Задача перед мастерскими была проста и одновременно сложна — ежедневно на фронт, отсюда, по железной дороге, должна уходить на фронт качественно отремонтированная техника. Никого и ничего не интересовало — есть запасные части или нет, есть необходимое оборудование или его нет, есть ремонтные рабочие или нет. Всего этого «НЕТ» просто не существовало. Зато существовало нормативное требование по поставкам отремонтированной техники — и последствия за его неисполнение, и по срокам и по объемам...

По окончанию военных действий и Победного 1945 года, мастерские еще несколько лет работали в армейском режиме, хотя постепенно ремонтировали и восстанавливали технику все больше для нужд народного хозяйства и, особенно — для села.

Федор никогда не жалел себя и подспудное чувство «Надо» для него не было просто чьим-то требованием, это «надо» и было всегда смыслом жизни таких, как он. Постепенно военное напряжение сменилось обычным (гражданским) ритмом, мастерские были переориентированы на другие нужды, но время, проведенное в этом направлении, принесло Федору достаточно хороший опыт организационной работы. И все же, в мастерских ему стало вроде как скучновато, хотелось чего-то более живого и природного, что ли.

Вроде бы никому он ничего не говорил, но кто-то «наверху» тоже это почувствовал. После более чем четырех лет успешной работы в Бельцах, в начале 1950 года, его вызвали в республиканский Военкомат. Почему и зачем — никто не объяснил. На вокзале, в Кишиневе, к нему подошел военный патруль, проверили документы и пригласили пройти с ними в здание вокзала. В комнате военного коменданта, его представили молодому человеку, который, оказывается, специально приехал за ним.

Он представился помощником Председателя Совета Министров МССР, Рудь Г.Я... Ничего особого не объяснил, просто сказал, что его послали за Федором, и что они должны вместе прибыть на прием к Председателю, а зачем и почему — ему объяснят другие. Помощник приехал за рулем советского вездехода военной поры — ГАЗ-67, на нем доставил Федора к зданию Совмина, провел в приемную Председателя и попросил подождать.

В приемной ждать пришлось недолго. Когда его пригласили в кабинет, там был сам Рудь Г.Я. и тот же молодой парень, что привез Федора. Войдя, Федор, по-военному доложил о своем прибытии. Рудь Г.Я., встал из-за стола, подошел к Федору, пожал руку и предложил сесть. Спросил, как самочувствие. «Скучно — сказал Федор — сидеть без дела в такое время». Рудь Г.Я. листал его личное дело и вслух зачитывал отдельные моменты из него, удивленно поднимая брови. «Майор, 30 лет, с Урала, металлург по профессии. Четыре года на разных фронтах. Командир танкового полка, Орден Ленина, Красного Знамени, Отечественной Войны 1-й и 2-й степеней, два ордена Красной Звезды. Четыре года успешно возглавлял военные ремонтные мастерские. Да ты герой, майор!». «Какой я герой — смутился Федор, — восемь месяцев на больничной койке провалялся, пока другие дошли до Германии!». «Ну, знаешь — каждому свое — продолжал хозяин кабинета — Как жить дальше думаешь, майор? Я так понял — те мастерские — ты уже перерос; дома, на Урале, тебя никто не ждет. А знаешь, ведь судьба не просто так оставила тебя в живых и дала тебе шанс. У тебя еще много боев впереди будет! Вспомнишь потом меня!».

И добавил: «У тебя какое отношение к селу. Вообще к селу?». «Хорошее — ответил Федор

— правда, я в городе родился, но у нас был свой дом, огород, сад, живность держали, так что представление имею о сельском хозяйстве». А про себя подумал: «Куда он клонит?».

Рудь Г.Я. не стал ходить вокруг да около, а сразу перешел к делу. «Мы пришли сюда, в Молдавию, хотя и домой, но в организационном плане — на голое место. Все бывшие оккупационные органы политической и хозяйственной власти ушли, точнее сбежали. Шла война, активное население было занято на фронтах и в оборонных тылах. Даже там, на советской территории, и то сегодня масса проблем, а здесь, наша власть была меньше года, только начали все организационные работы, а тут — снова война. После того, как мы вернулись в августе сорок четвертого — было очень тяжело, ты и сам все это видел. Все эти пять послевоенных лет мы успели многое сделать, естественно, благодаря помощи нашего государства. Пережили страшный голод. Потеряли много людей. Подняли понемногу промышленность, транспорт, энергетику, образование, медицинскую помощь. А вот с основным направлением молдавским на сегодня, — сельским хозяйством, проблем еще очень много, можно сказать непочатый край...

Пытались сразу после войны восстанавливать и организовывать совхозы и колхозы — но пока мало что получилось. У здешних, безземельных в большинстве своем крестьян, свое, какое-то рабское, что ли сознание. Они привыкли работать на помещика, привыкли бояться хозяина и сегодня боятся, что и новая власть их обманет, поэтому и не идут в коллективные хозяйства, да, по правде сказать — и не с чем им туда идти. Бывшие помещики владели землей, водой, многолетними насаждениями, а когда поняли, что их власти на селе придет скоро конец — постарались распродать все более ценное и исчезнуть. Понятно, что те, кто у них скупил помещения, скот, технику, сады и виноградники, не только не желали идти сами в колхоз, а наоборот, все эти годы пугали население коллективизацией. Делали всякие пакости, подбивали крестьян на неповиновение властям, отказывались сдавать продукцию государству. Пришлось с ними поступить жестко, провести раскулачивание и выселение, иначе нам коллективные хозяйства было не собрать. Ты все это знаешь, но со стороны, а теперь придется познакомиться с ситуацией на селе, «изнутри».

Надо, Федор Иванович, начинать поднимать эту сельскую целину, организовывать, строить, собирать и самим кормить себя и государство наше. В таком краю — стыдно надеяться на чье-то продовольственное обеспечение. Помощь, конечно, от государства будет, но, как говорится — пора и честь знать. Места здесь благодатные, но кому-то надо начинать действовать сегодня, здесь, на месте, и практически с нуля.

Хочу предложить тебе, майор, возглавить один новый совхоз. Мы его специально для тебя подобрали. Недалеко от Кишинева, в курортной зоне Молдавии, довольно приличное село, даже три села в одном сельсовете. Скажу честно — там пока ничего совхозного нет, кроме названия и одного старика, исполняющего обязанности директора. Абсолютно уверен — ты из того совхоза передовое хозяйство сделаешь и лучшее село в районе. А мы — поможем, чем сможем, это я обещаю» — прямо сказал он Федору. — «Как ты на это предложение смотришь?». Федор не стал набивать себе цену и выторговывать какие-то преференции (что не ускользнуло от внимания Предсовмина), а сказал сразу: «Я согласен! Когда отправляться в село?». «А прямо сегодня, сейчас,» — с облегчением проговорил Рудь Г.Я... И вот еще что, так как ты, майор, был у меня на сегодня первым в списке по кандидатам в сельские руководители, тем более учитывая твои заслуги перед Родиной, я распоряжусь, чтобы твоему совхозу отписали ту машину, на которой тебя сюда привезли. Это будет наша — тебе и совхозу, первая помощь. Придут новые машины — дадим, а пока возьми эту. Мой помощник тебя туда отвезет, а оттуда мы найдем, чем его доставить. После обеда, зайдешь в нашу канцелярию — получишь распоряжения о твоём назначении, и на передачу машины. Водить сам её сможешь, одной рукой?». «Обижаете» —

улыбнулся Федор, попрощался с хозяином кабинета и в сопровождении его помощника, покинул кабинет. «Майор! — крикнул в раскрытые двери Рудь Г.Я. — возьми у помощника мой телефон, в случае острой необходимости — звони мне лично!».

После обеда, получив все необходимые в таком случае документы, и даже кое-какие продукты, на первый случай, Федор, вместе с сопровождающим, выехал к новому месту службы. Он ехал за рулем, и, радуясь всему сразу, и любясь замечательной природой этого края; сопровождающий молодой человек — указывал дорогу. Часа через полтора, они благополучно прибыли к месту назначения.

Представитель Совмина, бывал уже здесь не один раз, поэтому показал Федору, как проехать к конторе совхоза. Какая там контора, — обычный частный сельский дом, реквизированный у какого-то выселенного «кулака». Правда, приличных размеров и в таком же приличном состоянии. Из всех комнат дома, занятыми были три — одну занимал «и.о. директора», 60-ти летний дед Гришка, еще в одной комнате был совхозный «штаб» — секретарь-делопроизводитель, отдел кадров, бухгалтерия и все остальное — все в лице одного человека. Этим человеком была молодая миловидная женщина, солдатка, чуть более 30 — лет, по имени — Екатерина. Она, собственно и вела все совхозное «хозяйство» до этого дня.

Когда Федор и представитель Совмина, вошли в контору — их встретили — Григорий, Екатерина, представитель местного райисполкома, приглашенный для официального представления нового директора и составления Акта приема-передачи государственного советского хозяйства, которое отныне будет функционировать по полной программе и председатель сельского совета. Собрав всех в кабинете директора, представитель Совмина, зачитал распоряжение о назначении и представил — Федора Ивановича Чугунова, как директора совхоза «Ивановский» с наделением его соответствующими полномочиями по ведению дел в данном хозяйстве, в соответствии с возложенными на него служебными обязанностями и должностными инструкциями. Составили соответствующий Акт, все присутствующие его подписали, передал дед Гриша печать совхозную Федору, поговорили о ближайших практических задачах. Потом, представители Республики и района, вместе уехали, а новый директор и его боевые новые товарищи остались вчетвером.

Начали знакомиться поближе. Федор коротко рассказал себе, как оказался здесь, где работал до этого. Честно признался, что сельское хозяйство для него дело новое, и что он очень рассчитывает на их помощь. А главное — он чувствует и внутренне желает — прожить здесь всю дальнейшую отпущенную ему жизнь. Здесь ему нравится и он надеется, что и он понравится этому месту. Никакая другая карьера его не интересует — только довести до ума и новый совхоз, и все три образующие его, села. Потом представился дед Григорий. Он сказал: Меня зовут Гришка, потом под внимательным взглядом Федора, добавил: Гриша, Григорий Иванович. Более тридцати лет проработал садовником в местном боярском имении. Теперь — бояр нет, имение стоит запущенным, заросшее кустарником и травой. Районные власти вроде бы там музей собираются когда-то открыть.

Екатерина представилась коротко: Екатерина Ивановна, солдатка, муж погиб не на фронте, был мобилизован в румынскую армию; когда пришли советские войска в 1940 году, хотел бежать от румын в нашу армию, но был пойман и расстрелян, как дезертир. С тех пор — одна. Пока была жива свекровь, жили вместе, а как мужа убили — и тещи не стало.

Председатель сельского совета, бывший старшина батареи, на фронте потерял ногу, ходил на деревянной колодке, привыкал ходить без палочки, старался. Как это ни странно совпало, но его звали — Николай Иванович!

«Ну надо же! — весело сказал Федор — нас здесь, — четверо — и все Ивановичи! Наверное, это добрый знак! Я почему-то, глядя на вас, на это село — верю, не то, что верю, я

просто уверен, что все у нас с вами получится! И знаете — мне так этого хочется! Жизни хочется!».

«Ну а чем вы в последнее время занимались?» — уточнил Федор. «Да мы даже месяца еще не проработали, обследовали, что нам вроде бы будет отписано, как совхозу. Получили карту, еще румынскую, где красным карандашом очерчены границы будущего совхоза. Обещали прислать землемеров из района, уточнить эти границы и официально узаконить. Но так и не было. Наверное — не до этого пока. А скоро весна, надо что-то с землей делать, да и на земле тоже. А мы пока не знаем, где наша территория. Все-таки — три села, это не так просто» — пояснил Григорий Иванович — да и пешком много не находишься» — добавил он.

«Вот с этого и начнем — завтра, с территории, это на сегодня главное, а потом займемся — имуществом. Посмотрим, что там нам причитается от бывших хозяев» — сделал заключение Федор — «мы с Григорием Ивановичем, вначале, посетим районные органы власти, определимся, а вы, Екатерина Ивановна, останетесь на хозяйстве. Но прошу вас, подумайте, кого можно пригласить на беседу из толковых людей, из тех, что на сегодня есть в наличии, в селе. Не забудьте и о представителях двух других наших сел. Неважно кто это будет — мужчина или женщина, молодой или старый, лишь бы он имел интерес к своему родному селу, мог бы что-то предложить, подсказать, сделать или, наконец, претензии какие-то выразить. Хочу познакомиться и посоветоваться с ними. Пригласите их на послезавтра утром, сюда, в контору. Время не указывайте — когда соберутся — тогда и начнем. Мы для них пока — никто». «А с вами — Николай Иванович, — надеюсь, у нас еще много дел впереди будет!» — обратился Федор к председателю сельсовета. Тот согласился и откланялся, так как дело шло к ночи, а в темноте ему будет трудно передвигаться по сельским улицам.

«Федор Иванович! Мы тут вам место определили, пока, для временного нахождения. Не будете же вы в конторе на столе ночевать!» — сказала Екатерина — «пройдемте, мы покажем вам, где». Они втроем обошли здание конторы, и вышли во двор. Хозяин здесь раньше жил, видимо, солидный — большой дом с двумя выходами, большой двор, хозяйственные постройки добротные, помещения для прислуги, колодец во дворе, привязи и корыто для поения скота. Место — дом и двор, очень понравилось Федору. И расположено удачно — наверху небольшого холма, в центре села, оно как бы главенствовало над окружающей территорией и как-то воодушевляло. (Спустя десяток лет, когда возводили новую совхозную контору — её построили опять именно на том же месте, после сноса старого здания).

А пока новому директору предложили «апартаменты» из двух комнат — одной большой, другой поменьше. В большой стоял только стол и две скамейки по обеим сторонам, а в маленькой комнате — стояла покрытая одеялом старинная металлическая кровать, небольшой стол с двумя массивными табуретками, в углу — еще табуретка, на ней старый, но до блеска вычищенный оцинкованный тазик и несколько тоже вычищенных до блеска алюминиевых кружек... В другом углу находилась плита с двумя конфорками, возле её топочной дверки — небольшая горка нарубленных дров. Сверху — на плите, — тоже оцинкованный, двухведерный бак, наполненный водой. На стене, между плитой и дверью — висела керосиновая лампа, правда- без керосина, в виду его (керосина) отсутствия. Все это увидел Федор, и сразу как-то так хорошо и приятно ему стало на душе. Повеяло домом...

«Знаете что» — сказал он своим сопровождающим — коллегам, — «мы же люди русские, давайте по старинному обычаю- обмоем, что ли, если уж не мое назначение, то хотя бы мое новоселье». Он достал из одного из своих вещмешков две банки тушенки, булку черного хлеба, фляжку со спиртом, подарок от коллег-ремонтников по Бельцам, и, выложив все на стол, начал было резать большим немецким кинжалом, извлеченным из чемодана, но Екатерина перебила его действия, сказав — «Давайте вначале, помоем руки!». Полила ему на руку, вытерла

полотенцем, сказала: «Сядьте, подождите немного» и вышла из комнаты. Через пару минут вернулась с плетеной корзиной и начала доставать то, что в ней находилось: пара головок лука, огурцы соленые, баночка грибов, тоже соленых, небольшая вареная курица, несколько вареных яиц и графин домашнего вина...

Она быстро и ловко все приготовила, порезала, разложила и даже хотела налить всем вина, но Федор опередил её, налил понемногу спирта в кружки, сказав при этом: «Давайте начнем с аперитива, прочистим застоявшиеся внутренности, а потом уже попробуем местное вино! Выпьем за нашу Победу в той страшной войне, за наш новый совхоз, и за всех нас, кому довелось его образовывать! И пусть у нас это получится!». Они по-семейному посидели, поговорили, кое в чем определились. Хозяин с великим удовольствием лакомился домашней пищей, приготовленной Екатериной, которой давно уже не пробовал, а «гости», наоборот, причащались невиданными для них деликатесами в виде свинной и говяжьей тушенки...

Разошлись, когда уже стемнело. Завтрашняя поездка в район оставалась в силе, договорились по времени выезда. Когда Григорий с Екатериной ушли, Федор долго еще стоял во дворе, вдыхая такой чистый, приятный, уже пахнувший весной молдавский воздух конца февраля, и так было приятно у него на душе, как будто в гостях у родных побывал...А ведь он пока не знает даже с чего надо начинать. Но, сидя на скамеечке у колодца, он чувствовал, что эти люди ему поверили. Поверили, что он не какой-то там карьерный выдвиженец, которые всегда роятся вокруг столицы и не только в Молдавии, он явно пришел сюда надолго, скорее всего — навсегда. Да и сам Федор поверил в то, что ему поверили, и это радостное чувство взаимной веры, наполняло его всего.

Так хорошо он давно не спал. И сон приснился соответствующий моменту: он на своем танке, на медленной скорости выехал на какой-то холм и там — остановился. Федор открыл люк, высунулся из башни, приказал сделать оборот вокруг танковой оси, и явственно увидел красивую долину с текущей внизу рекой, а вокруг спадающие с холмов цветущие сады, виноградники, поля золотые и зеленые, и — кругом — люди, люди, — много людей, и такие радостные, приветливые и все приглашают его куда-то. А кто-то невидимый громко сказал: «Теперь этот танк будет здесь стоять всегда. Это его место!»

Он проснулся рано, но не хотел подниматься, находясь под впечатлением такого замечательного сна. А, поднимаясь с кровати, подумал: «Эх бы, сюда этих людей, да сейчас!».

Утром они с Григорием Ивановичем, выехали в райцентр. Федор ещё в гараже Совнаркома, выпросил трофейную двадцатилитровую канистру бензина; сегодня бензин вылил в бак, а канистру взял с собой, пустую, потому что бензина в селе не было, а надо было иметь какой-то постоянный запас, ездить им придется много.

В райцентре, они вначале подъехали к райисполкому. Там Федор представился председателю, поговорили о текущих задачах и проблемах; председатель обещал помощь, как первому новому совхозу в районе, государственному сельскохозяйственному предприятию, познакомил Федора со своими заместителями и начальниками отдельных служб, спросил, что, по мнению Федора, сейчас необходимо сделать в первую очередь, по линии района. Федор попросил срочно уточнить размер и экспликацию земельных угодий, которые отойдут в пользование совхоза, определиться с объектами недвижимости во всех трех селах, реквизированных у бывших владельцев, покинувших пределы сельсовета, хотя бы частично решить вопросы тягловой силы, какого-либо сельхозинвентаря, потому, что весна на носу; транспортных средств, каких-то семян, саженцев, строительных материалов. Понимая, что в районе вряд ли смогут чем-то быстро помочь, Федор только обозначил видимые проблемы, довел их до сведения районной власти и дал понять, что и он сам, и его помощники, тоже не будут сидеть, сложа руки, и ждать милостыней... Еще попросил, хотя бы на время, прикрепить

его машину к автогаражу райисполкома, чтобы иногда можно было у них делать какие-то технические уходы или мелкие ремонты, да и заправляться топливом. Как появится в совхозе своя ремонтная база или хотя бы водитель у директора, — необходимость в этом — отпадет. Председатель тут же дал соответствующее указание, одному из своих заместителей и вопрос был решен. Попросил Федор и разрешение на открытие необходимых счетов в Госбанке, и зачисление на них определенных денежных средств на текущие совхозные нужды.

После ознакомительной встречи, председатель отправил Федора непосредственно в районный земельный отдел, начальник которого тоже присутствовал при беседе и Федор, уже вместе с ним, вышел из кабинета. Они договорились, что Федор посетит районный Госбанк, а потом уже зайдет в земельный отдел.

Председатель райисполкома понравился Федору — тоже из военных, полковник, бывший начальник политотдела одной из дивизий. Он, как и Федор, оказался в тылу в результате тяжелого ранения; короче говоря — тоже человек не случайный, на своем месте. После официального знакомства с районной властью, Федор посетил отделение Госбанка, где совхозу открыли необходимые расчетные счета, и оставил образцы его подписи для платежных документов...

В рай зем отдел, Федор направился уже вместе с Григорием Ивановичем, — тот тоже мог что-то подсказать или предложить, исходя из своего жизненного опыта и знания местных условий. Начальник отдела пригласил все свои действующие в то время службы, они долго и полезно обсуждали текущие вопросы, детально, пока по карте, еще раз очертили границы будущего хозяйства. Федор, пользуясь тем, что у него была машина, уговорил районного землемера, вместе проехаться по периметру границ совхоза и «положить» данные карты — на реальную территорию.

Землемер был пожилой уже мужчина, из обычной местной смешанной семьи: — отец — молдаванин, мать — украинка, по — доброму настроенный к нашей власти. А главное — он в совершенстве знал земельные угодья района, в том числе и те, которые были выделены их совхозу. Он не только знал их визуально — территориально, он знал их качественно, знал возможности и проблемы земледелия в разных зонах района и делился этим с новыми пользователями. Для Федора, многое не понимающего не только в тонкостях сельхозпроизводства, а и в его стратегических направлениях, эти полдня проведенные вместе с этим знатоком-специалистом, были как ускоренные агрономические курсы.

Землемер объективно оценивал перспективы будущего совхоза: — «Пахотной земли в наличии мало. Ну, можно будет расширить её площадь за счет раскорчевки и введения в оборот, еще гектаров ста (не более), заросших сегодня кустарником и деревьями, той же акацией, кленом и другими видами. За годы войны, да и до этого несколько лет, вся эта поросль наступала на пашню, выбивая из неё самые благодатные участки. Их можно и нужно вернуть в состав пашни, но надо провести сплошную раскорчевку. Прежним хозяевам это было не нужно. Кстати, заметил, землемер, для вас (совхоза), эти заросли — золотое дно. Во — первых, они (заросли ростом с деревья) — вне закона заняли пашню, значит на их раскорчевку не требуется никаких разрешений. Это ваша земля и вы просто приведете её в рабочее состояние. Это главное. Но не менее главное здесь и то, что у вас есть реальная возможность заготовить на ближайшие минимум десяток лет — тысячи ручек для лопат, кос, вил, топоров и других инструментов. Почти задаром. Мало того — заготовить многие тысячи так называемых «тычек» — опорных стоек, для подвязки виноградных кустов. У вас много виноградников осталось от прежних помещиков, — но они все лежат на земле, заросли травой, их, если поднять, да правильно и вовремя обрезать — какой доход можно иметь уже в первые — год-два! Насколько я знаю, говорил специалист, были здесь и питомники плодовиноградные, их тоже надо найти и

возрождать.

Толстые стволы деревьев, в тех же зарослях — это же готовый строительный материал! Хоть загоны для скота и овец делай, хоть потолки перекрывай, да, в конце концов — хоть на дрова использовать можно! А что делается в поймах рек возле ваших трех сел и всех некогда прекрасных озер! Там берега уже на десятки метров «вошли» в воду. На берегах еще более дикие заросли, чем в полях, так как влаги больше. Там тоже работы непочатый край и того же материала можно набрать для разных нужд!

А сады, бывшие помещичьи, во всех трех селах стоят запущенные, срочного внимания требуют. А это — тоже сразу живая копейка, только руки надо приложить и все, больше пока ничего не надо, ни химикатов, которых пока нет, ни полива. Пока надо только руки.

Недалеко от главного села, есть приличная, в несколько гектаров, ореховая роща. Раньше она принадлежала бывшему боярину, хозяину усадьбы. Там не все деревья — грецкие орехи, но процентов 90 площади — именно ореховые насаждения. Их никто не сажал — вороны когда-то рассеяли. Вороны орехи воруют, потом с большой высоты бросают на землю, пытаясь разбить, но не все падающие орехи разбиваются. Так и рассеивают семена орехов, причем — где угодно. Мы эту рощу числим по категории «леса», и не будем их переводить в сельскохозяйственные угодья, а для совхоза — это еще одно ценное направление, там надо привести все в порядок, подрезать, убрать сушняк, траву скосить, побелить бы неплохо в порядке профилактики, и тоже иметь постоянную живую копейку. А ведь еще — у вас будет треть совхозных земель занята просто лесом. Как правило — это так называемые «неудобья», но лес-то там растет! За эти бесхозные годы, там накопилось очень много работы: и по очистке буреломов и по санитарной вырубке. А лес, хоть и лиственный, — это в наших краях — просто богатство! И для строительства, и для отопления, и для оборудования животноводческих помещений, да куда угодно, лес везде нужен.

Есть в селах несколько, небольших правда, животноводческих помещений, птичников, свиноводческих, остались от бывших помещиков, и стоят пустые, Их, если отремонтировать, то можно и животных, и птицу заводить. В общем — место хорошее и есть над чем работать. Главное, что надо иметь в виду — раз земли не так много у совхоза, а все-таки три села! — значит надо вести хозяйство так, чтобы не только каждый гектар давал достойную отдачу, но и каждый квадратный метр какой-то используемой производственной площади — окупал свои затраты и многократно. Иначе совхоз самостоятельно жить не сможет. Рядом — районный город, в другую сторону — час езды — и Кишинев! Что еще надо для хорошего хозяина! Только старание и добросовестный труд.

Кстати, в этих местах, продолжал землемер, — всегда более доходными были такие культуры, как подсолнечник, кукуруза на зерно, гречиха, картофель, табак. Зерновые колосовые почему-то всегда были похуже, яровые особенно.

Когда проезжали шахтные штольни, расположенные возле одного из совхозных сел, — землемер и там вставил свое видение: «Федор Иванович! Здесь тоже ваша земля, ну кроме шахт, конечно. На сегодняшний день, шахты, где многие годы пилили строительный камень-известняк, не работают и хозяина (государственного) у них пока нет. Я вам этого не говорил, но советую — обратить на это внимание. Штольни чистые, румыны никаких мин там не оставляли, а немцы вообще здесь не появлялись. Саперы проверили — чисто. Так вот сегодня, в этих, повторяю, бесхозных пока штольнях, можно собрать большое количество и битого строительного камня — пиленого известняка, и много абсолютно целого, просто не вывезенного и брошенного. Думаю, он бы вам здорово пригодился на разные строительные нужды. Есть здесь и ямы-печи для обжига известняка и получения извести, и даже мельница по её размолу. Конечно, никому из частных — неразрешат брать строительный камень бесплатно, ну, а для совхоза, да на его

земле — думаю, вопросов ни у кого не возникнет. Только делать это (вывозить) надо быстро, пока другие хозяева не нашлись на это добро. Есть здесь еще масса известняковой крошки (мелиссы), её тоже можно использовать и в строительстве, и для добавления в корм той же птице. Короче говоря, товарищи дорогие, на мой поверхностный взгляд, у вас под ногами столько добра валяется — только успевай подбирать...Повторяю — есть вам над чем работать, уже сегодня. Только спешите. Февраль заканчивается...».

После такого доброго напутствия, у Федора, по-хорошему голова распухла. Землемер просто высказывал свое видение, а новый директор принимал и впитывал все это, как директиву, как пока и не конкретный, но приказ, программу к действию. Внутренне, он был бесконечно благодарен тому землемеру, а внешне только сказал: «А вы бы не хотели поработать с нами в качестве главного технолога — агронома? Я уверен, что мы бы с вами многое сделали так, как надо!». «Знаете, Федор Иванович, я бы с удовольствием пошел на конкретную работу в ваш совхоз, да кто меня отпустит! Вот если выгонят или какие-то проблемы возникнут у меня или ко мне, — с удовольствием приду к вам!» — засмеялся землемер. (Кстати, в начале следующего, 1951 года, этот землемер перешел на работу в наш совхоз, в качестве главного агронома).

Решив основные вопросы по землепользованию нового совхоза, к вечеру они прибыли в контору, поужинали, обсудили отдельные технические детали, и Федор отвез землемера домой, в город. Расстались они, если не друзьями, то добрыми товарищами — единомышленниками, пока не подозревая, что станут настоящими друзьями и проработают еще вместе не один десяток лет. И именно при них, совхоз поднимется по всем показателям, и именно к ним будут ездить специалисты — аграрники со всех концов не только Молдавии, но и всего Союза, за передовым опытом. Но до этого — надо было еще дожить, и не просто дожить!..

Когда Федор отвез землемера и вернулся домой, увидел (впервые!), что в комнате директора горел свет! Он вошел в свой «кабинет» и застал, сидящих за столом — Екатерину и Григория. Екатерина что-то писала на вырванном из тетради, листе бумаги. Перед ними на столе — стояла горящая керосиновая лампа! Федор, еще утром, будучи в городе, купил на рынке две канистры. Когда заправлялся в гараже райисполкома — кроме полного бака, залил еще две канистры в запас. Одну он взял из дома, а из купленных на рынке, — одну тоже заполнил бензином, а еще одну, залил, купленным в ларьке керосином. У него самого в комнате лампа пустая, и ночью, а зимой ночи длинные, — без света было и темно и...неуютно. Купил он еще и три разных по размеру металлических лейки, для розлива горючего и целую упаковку фитилей для керосиновой лампы. Пока он ездил в город, отвозил землемера, — Екатерина и Григорий — залили керосин во все три имеющиеся в конторе лампы, в том числе и в «квартире» директора. «Свет — это уже хороший знак!»- подумал про себя Федор, поблагодарил своих помощников, потом они все вместе поужинали на скорую руку и заговорили о завтрашнем дне. Екатерина доложила, что посылала людей (пешком, естественно) в два других села, для приглашения конкретных людей, из тех, кого она хорошо знала, на встречу с новым директором. По центральному селу — обходила сама. Обещали придти завтра, ну а там — посмотрим...

Переполненный впечатлениями сегодняшнего дня, Федор еще раз поблагодарил своих помощников, за все, — они разошлись по домам, а он достал ведро воды из колодца, помылся из тазика, прямо на улице и пошел спать. Так было приятно погреть руки у лампового стекла..., так не хотелось тушить этот маленький приветливый источник долгожданного света, но завтра у него намечается очень непростой день — «СМОТРИНЫ СТОРОН», первое знакомство с людьми села, как сказала Екатерина — «лучшими из того, что на сегодня есть». «Это тебе, Чугунов, — не полк построить, да приказ отдать на атаку!» — лежа думал Федор — «Тут еще не знаешь сам, кого и в какую сторону атаковать! А — НАДО!». Проснулся Федор рано, размялся, умылся, попил чаю и пошел в кабинет директора. Достал свой фронтовой планшет, взял из него

несколько листов бумаги, карандаш, положил их перед собой, зачем-то открыл висячий замок на массивном сейфе, оставшемся от прежних хозяев, они его, скорее всего не увезли, потому что — очень уж был тяжелым, снова его закрыл... Честно говоря, он чувствовал себя как никогда в жизни, неловко и пытался как-то прилично настроиться на предстоящую встречу с незнакомыми людьми. Кто они, как примут его, да и вообще, придут ли. «Скоро узнаю» — успокаивал себя Федор, и стал ждать, попутно набрасывая тезисы предполагаемой встречи-беседы.

Где-то часам к восьми, подошли Екатерина с Григорием, сели за стол, начали перебрасываться предположениями. Они, как и Федор — переживали — придут ли люди и, естественно, нервничали. Оказалось зря. В течение каких-то получаса, в контору пришло человек пятнадцать, причем пятеро — из соседних (совхозных) сел. Скамеек хватило на всех. Пришедшие сельчане были разных возрастов, мужчины и женщины. Они здоровались, им предлагали садиться, Екатерина кратко записывала их данные. Пришел и председатель сельского совета, недавно вступивший в эту должность. Ему было сложно руководить сельсоветом, куда входили три села, по линии растянутые почти на семь километров, не имея никакого транспорта для передвижения. Но человек он был серьезный и ответственный, поэтому Федор очень рассчитывал на его помощь, как авторитетного местного старожилы, тем более, представителя власти.

Когда приходит перестали, Екатерина сказала Федору, что все, кого она приглашала — прибыли, даже несколько человек пришли по собственной инициативе. Федор подождал еще минут пятнадцать и встал.

«Люди добрые, добрый день вам! Спасибо, что вы откликнулись на нашу просьбу и пришли»- обратился Федор к собравшимся. — «Наша власть решила образовать на территории данного сельского совета, новое государственное сельскохозяйственное предприятие — Советское хозяйство, сокращенно — «Совхоз», передав в его состав, всю земельную площадь сельскохозяйственных и других угодий, а также отдельные объекты недвижимого и движимого имущества, которые теперь тоже будут собственностью данного совхоза. Распоряжением Председателя Совета Министров МССР, директором совхоза назначен я, — Федор Иванович Чугунов, со всеми вытекающими полномочиями. Я — военный, майор Советской Армии, бывший командир танкового полка, вышел в запас по ранению, несколько лет работал в Бельцах, занимался ремонтом военной техники. А теперь, по решению Совета Министров МССР, — определен к вам, в новое хозяйство».

«Земля и имущество — это хорошо, — продолжал Федор, — но без людей — все это будет стоять без движения, как и было до сих пор. Поэтому, мы и решили обратиться к вам, живущим здесь людям, которым, надеюсь не безразлично — как им жить дальше, как жить вашим селам, как жить вашим детям и внукам. Никто чужой не придет делать нам хорошую жизнь. Могут только прийти помочь в чем-то, но делать её, эту самую жизнь, делать постоянно, каждый день, несмотря ни на что, — можем только мы с вами. Я говорю «Мы», потому, что уже не отделяю себя от этих трех сел, от живущих здесь людей. Это теперь и мой дом, и, поверьте — навсегда. Я так не думаю, я так чувствую. На земле в одиночку ничего не сделаешь, здесь надо коллективное желание и коллективный труд. Мы хотим с вами посоветоваться, во-первых, потому, что считаем, — вас тоже это волнует, а во-вторых, как рекомендовали мне наши помощники — Екатерина и Григорий, Ивановичи, — вы как раз те люди, которые не только могут помочь в создании нового хозяйства, а и сами, каждый в отдельности, — многое знают и умеют, и на многое способны. То есть — те люди, которые сегодня, очень нужны совхозу. Да, обязательно придет время, когда к нам направят грамотных специалистов по разным направлениям сельхозпроизводства. Но сегодня их просто нет, а пока их нет — мы не можем сидеть и ожидать, надеясь на кого-то. Скоро весна, земле работать надо, а без нас — так она и будет зарастать

кустарниками и дикой травой. Мы пригласили вас не помочь, нет, — мы пригласили вас, чтобы вместе вдохнуть жизнь в наши села, в нашу землю. А надо сказать — начинать придется не на пустом месте — у нас много уже сегодня есть такого, что надо поднять, просто нагнуться и поднять. А потом — привести в порядок. Я приглашаю вас не на работу в новый совхоз, я приглашаю вас в новую сельскую жизнь. Без бояр и помещиков, без погоней- надсмотрщиков с нагайками и кнутами, в жизнь, где вы сами станете себе и земле нашей хозяевами. Это я вам обещаю.

И сегодня мы — не на собрании каком-то, а просто — на беседе, дружеской. И мы постараемся найти какие-то общие интересы среди присутствующих. Здесь пока нет начальников и рядовых работников — главное нам надо определиться — будем мы поднимать свои села сами, или будем ждать, что кто-то это сделает за нас...

Я буду просто вас спрашивать поочередно, а вы, пожалуйста, рассказывайте коротко о себе, что умеете-можете, чтобы хотели делать в совхозе и если пожелаете, — то предлагайте свое видение решения каких-то важных на ваш взгляд вопросов, любых, по любому направлению жизни и деятельности нашего будущего хозяйства. Не надо стесняться, не бойтесь, что кто-то будет смеяться или выражать недовольство вашим мнением. У нас сегодня разговор заинтересованных людей должен получиться и выводы тоже будем делать совместно. А еще я очень надеюсь, что сегодня у нас появятся первые заявления о приеме на работу и первые приказы по совхозу по кадровым вопросам».

Федор представил собравшимся своих помощников: Григория Ивановича — в должности заместителя директора по производству, как главного технолога, с дальнейшим уклоном на развитие виноградарства и садов, именно в плане возрождения питомниководства.

Екатерину Ивановну — в должности заместителя директора по общим вопросам. Она пока будет одна за многих. На её плечи ляжет вся первичная организационная работа: — Вопросы учета и обеспечения движения кадров, делопроизводство, связи с другими организациями, вопросы хозяйственного обеспечения и еще много чего, того, чего мы сами еще не знаем, откуда оно появится, — завершил представление Федор.

Потом он высказал свое мнение, что, скорее всего, в совхозе будет три главных структурных подразделения — Отделения. По количеству сел. А уже внутри каждого отделения, будут образовываться отраслевые подразделения — бригады, фермы, отдельные участки по направлениям деятельности, по мере необходимости их образования. Главное при этом — чтобы все совхозные направления входили бы какую-то структуру и были легко и своевременно управляемы. Никто из присутствующих не возражал и не предлагал что-то иное.

Как-то так получилось, что встреча, из намечаемого изначально простого знакомства, переросла в рабочую творческую дискуссию, где каждый высказывал свое мнение, даже по направлениям, которым никогда не занимался и не собирался заниматься, но считал, что именно вот так будет лучше. Главное, что понял Федор из бесед с этими людьми — любое их мнение — это не что иное, как желание помочь своему селу жить, и всем присутствовавшим стало понятно, что именно образование совхоза, в данном, конкретном месте, — есть лучший способ сегодня начать новую жизнь, которой они никогда и не знали. Именно никогда, от рождения.

Много чего было обсуждено на той встрече. Её участники помнили её потом, всю свою жизнь и гордились своим причастием к ней. Федору, да и не только ему, врезались в память три особенных её (встречи) момента:

— Из соседнего села, что примыкало к шахтам, пришли двое братьев, уже не молодые, где-то за сорок лет, крепкие, серьезные мужики, с поседевшими бородами. Они совсем недавно появились в селе. Раньше работали у помещика на винном заводе. Были хорошими столярами, но больше занимались бондарным ремеслом, делали и ремонтировали деревянные бочки, для вина

и воды, разных размеров, из акации, дуба и других подходящих пород. Их изделия славились на весь уезд, только хозяином всей продукции был помещик. Сам помещик жил в Румынии, а заправлял его имением и заводом — специальный управляющий, тоже румын. Он ненавидел мастеров — братьев за их независимый характер, где только мог, пытался унижить, оскорбить или оштрафовать. Постоянно придирался к качеству их работы, специально провоцируя их на ответную дерзость, и добился своего. Еще перед 1940 годом, он довел братьев до того, что они просто поколотили его, причем здорово поколотили. Свидетелей не было, но управляющему поверили в суде без доказательств. И дали братьям по 10 лет каторги. Отбывали они срок где-то под городом Галац, в Румынии, и немного не добыли до конца срока наказания, правительство уже Румынской народной республики, их помиловало и отпустило домой.

Роман, старший из братьев, на встрече с директором, даже прослезился, когда поднялся и проговорил: «Знаете, я давно уже потерял веру в то, что на земле есть справедливость, правда, и какие-то законы для защиты простого человека. Тридцать лет подряд, я видел только румын, для которых я, украинец, родившийся в этом селе, не был человеком, был даже не рабом, а просто скотом рабочим. Только ругань, плетка и снова ругань. Они, как будто другого обращения и не знали, их по-другому не учили. Иногда посмотришь — такая шмакодявка, от горшка два вершка, да я его одним щелчком пришибить могу, а измывается над тобой, зная, что ты бесправный — никто. У них это в крови, что ли... Знаете, Федор Иванович, не знаю как оно еще все будет, но обещаем мы с братом — бочки нашего совхоза — будут самые лучшие, да и все, что будет нами сделано, если вы нам конечно доверите это хозяйство...». Все присутствующие засмеялись, а Федор весело сказал: «Екатерина Ивановна — записывайте — вот наш первый бригадир столяров-бондарей и его помощник — он кивнул в сторону второго брата. Я вас не тянул за язык, уважаемые братья, но вам верю. Выбирайте место для мастерской, подбирайте людей и учеников, собирайте, где что осталось от прежних хозяев, прикиньте, что надо из инструмента в первую очередь или оборудования, — с вас и начнем строить наше хозяйство. Потому как без этой службы — мы ничего не сможем построить из того, что необходимо, именно без мастеров по дереву, плотников — строителей. И ничего, что у нас сегодня, даже одного гвоздя своего нет. Все у нас будет, это я вам обещаю, и как директор, и, как односельчанин!».

— Из того же соседнего села, сам по себе, без всяких приглашений, на встречу пришел молодой мужчина, лет двадцати пяти. Внешне его характеристика была удручающей. Видно было, что он переживает не лучшее время. На нем были: Заштопанная, старая румынская шинель, добела вытертая когда-то модная кожаная фуражка, явно где-то подобранная, и...старые «постолы», это родственники русских лаптей, только не плетенные, а из невыделанной говяжьей шкуры. Высокий рост еще больше подчеркивал его худобу, а небольшой горб на спине, делал его похожим на вопросительный знак. Екатерина Ивановна не смогла о нем ничего рассказать Федору, и тот попросил Алексея (так звали парня) вкратце рассказать о себе. Оказалось, что его родители умерли еще во время войны. Отец работал мастером на известняковой шахте, мать занималась детьми. Старших двух братьев, призвали в румынскую армию, еще в сорок первом, и больше о них никаких сведений не было. Когда Алексей остался один — его просто выставили из дома, который был отцу выделен от шахты. Успел он до войны, закончить четыре класса румынской школы; это был уже неплохой образовательный уровень для того времени и, когда пришла советская власть в 1940 году, друг его отца, сумел определить его на трехмесячные курсы счетоводов в Кишиневе, с таким расчетом, чтобы потом пристроить на работу в управление шахты, по специальности. Все бы было хорошо, Алексей после курсов прошел неплохую практику на одном из кишиневских небольших предприятий и вернулся в село. Взяли его на работу в шахтную бухгалтерию, там заметили его способности и старание. Но — власть снова поменялась, вернулись прежние хозяева из Румынии, привезли с собой своих — и инженеров, и

управляющих, и счетных работников... Всех, кто сотрудничал с «советами» — просто выгнали. Ушли из жизни сначала — отец, потом мать, а на подростке Алексее, румыны поставили клеймо врага, за то, что учился и работал при советской власти, запретили даже появляться в районе шахты и её управления. Без денег, без документов, он все эти годы, работал за еду у богатых хозяев в своем селе, был много раз бит по разным причинам, а чаще — без причин и спал по сараям у людей, где работал. Ни с кем не общался, потому, что боялся, его любой мог обидеть, так как защитить парня было некому. Чуть не умер во время голодовки в сорок шестом, но уже вернувшаяся наша власть, не дала ему пропасть. Услышал, что организуется новый совхоз — вот и пришел предложить свои услуги...

Федор, внимательно выслушав исповедь Алексея, не то, что бы поверил, он прочувствовал каждое его слово. Парень не жаловался, ничего не просил, и ничего не обещал. Он просто, в первый раз в жизни высказался, а собравшиеся люди — в первый раз его просто выслушали. До сих пор, его не слушал и не желал слушать никто. Абсолютно. Видно было, что парню тяжело говорить, видно было, что он просто боялся, не зная, как люди воспримут его речь, но он решился и пришел к ним, к незнакомым людям. Может это и был главный шаг в его жизни.

Вслух Федор сказал, в сторону Екатерины Ивановны: «Ну, вот вам и первый ваш помощник, Екатерина Ивановна! Сам пришел, без всяких приглашений! Как говорил наш вождь — Социализм — это Учет! Хотя без учета и контроля никакое хозяйство жить не может, но для нас — Алексей — это очень ценная находка, если, конечно, он захочет пойти к нам на работу!» — с улыбкой закончил директор.

«Если примете — пойду с удовольствием!»-непроизвольно выдохнул Алексей.

Федор снова обратился в Екатерине Ивановне: «Надо подумать — где поселить будущего бухгалтера. Я так понял, что в том селе, у него нет постоянного места проживания. Было бы неплохо, подобрать ему подходящую квартиру в этом селе. Чтобы не возить его туда — сюда. Бухгалтер должен жить недалеко от конторы по многим причинам, так как всегда должен быть в пределах досягаемости. Жизнь есть жизнь. Найдите, пожалуйста, ему жилье, сделаем договор с хозяином, оплатим, все, как положено».

И тут случилось то, что случилось. Подняла руку одна из приглашенных на встречу, женщин, рослая, крепкая и такая задиристая на вид: «Товарищ директор! Если вы настроились принять этого парня на работу и нанять ему в нашем селе квартиру, так идите ко мне! Места у меня хватит, живу одна, детей нет, муж на фронте погиб — так поселите его у меня! Да я его отскребу, отмою, отстираю, да вы его на второй день не узнаете даже! Тем более еще и платить обещаете». Все засмеялись, а Федор серьезно сказал: «Вас как зовут, женщина?»- «Матрена» — подсказала Екатерина Ивановна. «Так вот что, уважаемая, Матрена, спасибо за то, что согласились помочь совхозу, и я верю, что все, что вы сейчас нам пообещали — сделаете, но вы пришли сюда ведь не за этим; что — то, наверное, хотели предложить. Ведь так?».

«Да, Федор Иванович! Хотела. Я очень люблю домашнюю птицу, курей, гусей, уток. Ну, какой же это совхоз будет без своей птицы!. Вот и хотела предложить заняться этим делом. Есть тут у нас некоторые соображения, я их вам, если пожелаете — отдельно доложу, даже на бумаге». На том и договорились.

— А третий инцидент, запомнившийся всем, был не совсем обычный. Из третьего, самого дальнего от центральной усадьбы, небольшого села, прибыли муж с женой, немолодые уже, но довольно энергичные на вид, люди. Это была семья, известных мастеров по приготовлению «цуйки» — водки. Абrikосовой, сливовой, яблочной, виноградной и т. п... Производилась она по принципу прямой перегонки, но это был не тот «самогон», который показывают бело-мутным, несведущие в этом деле режиссеры современных фильмов. Н-е-е-т... Это был крепчайший благородный напиток с запахом основного ингредиента. Его пили, не закусывая, наслаждаясь и

смакуя, все, кто мог к нему прикоснуться. Бывший помещик, хозяин того села, поставлял «цуйку» и к королевскому двору, и за рубеж, зарабатывая на этом славу и деньги. Екатерина Ивановна пригласила их с расчетом, что они продолжат работать в этом направлении, но уже не на помещика, а в пользу нового совхоза.

Но мастер по водке, по имени Георгий, удивил присутствующих совсем другим. Он спросил Федора, а правду ли говорят, что у него есть при себе пистолет, и для чего он его носит, так как война давно закончилась, а кулаки переехали в Сибирь.

В кабинете директора повисло непонятное молчание, люди не знали, как на это реагировать. Ситуацию разрешил сам Федор. Он открыл замок на сейфе, достал из него пистолет, снял кобуру, машинально проверил — пустой, и передал Екатерине Ивановне. Она обошла всех присутствующих, и они увидели — на рукоятке была припаяна пластинка с надписью: «Чугунову Федору Ивановичу — за Мужество и Героизм. 1943 год». Федор объяснил — получил после боев под Курском, наградное оружие от командующего фронтом. Он тогда командовал танковым батальоном. Это просто награда. Пожизненная.

Больше вопросов не было. Но все тридцать с лишним лет будущей директорской жизни Федора Чугунова, в совхозе знали, что у директора есть именной пистолет... Это как-то успокаивало, что ли и придавало людям какую-то уверенность, больше того — Веру. Ну, так мы, люди, устроены. Чувствуем себя спокойнее, когда что-то надежное — и в надежных руках.

А в тот памятный день, о чем только не говорили, что только не предлагали! Екатерина Ивановна, вся взмокла, исписала гору листов бумаги. Потом встала и сказала: «Федор Иванович! Люди добрые! Давайте остановимся на сегодня, а потом с каждым в отдельности займемся конкретными предложениями и вопросами. У меня уже в голове все не вмещается!».

Все присутствующие подали заявления о приеме на работу в совхоз. Тут же, при всех написали и объявили два приказа: Первый — о зачислении на работу, всех подавших заявления, и второй — об утверждении двух заместителей директора и бухгалтера. Все другие организационные вопросы перенесли на другое время.

Здесь же, в кабинете директора состоялся первый совместный совхозный ужин. Женщины постарались приготовить, кто что мог, Георгий выставил на стол банку литра на три, своей знаменитой «цуйки». Хорошо, по-семейному, посидели, еще о многом поговорили уже в свободной обстановке, наметили встречи и действия на ближайшие дни. Федор попросил братьев — столяров съездить завтра с ним в Кишинев, помочь закупить, что можно из необходимого инструмента, для их работы.

После всего, отъез на машине людей из соседних сел, а на обратном пути привез некоторые вещи и самого бухгалтера, Алексея, на центральную усадьбу; подвез его к дому Матрены. Она уже ждала их, показала Алексею его комнату и весь дом, напоила обоих компотом, от ужина они отказались, и Федор, довольный, возбужденный и радостный, отправился в свою квартиру. День, по всему — удался. А какие люди в этих селах! Да как же здесь не жить по-человечески! Что же это за люди такие — бояре, помещики, что раньше хозяйничали здесь? У них что — ни сердца, ни понятия, ни жалости, только деньги, выгода в голове, да напыщенное показное чванство?!. Федор родился при советской власти, уже не застал тех прежних хозяев, и ему было странно и непонятно слушать сегодня здешних людей с рассказами об их бесправном, беспросветном, бытии, буквально недавно. Даже не укладывалось в голове, что люди могут так беспощадно относиться к таким же людям. А ведь они говорили правду... И даже не жаловались. Для них это было нормой той «жизни», другой они пока не знали. «Давай, Чугунов, постарайся, не посрами честь танкистскую!» — последней была его мысль на сегодня, — «завтра начинаются суровые будни!»

На другой день, Федор пораньше заехал за братьями в соседнее село, а оттуда — вместе

поехали в Кишинев. Там Федор зашел в сберегательную кассу, снял деньги со своего счета. За время войны, и времени лечения, у него накопилась довольно приличная сумма личных сбережений. Посылать их было некому, да и текущих расходов у Федора (дополнительных) не было — не пил, не курил, никем не увлекался, так что деньги накопились. Правда, в 1947 году, их внезапно «уценили» в десять раз, но все-таки, можно сказать, что деньги у него были. Поэтому — он и решил не терять время на получение каких-то плановых материальных фондов по мелкому инвентарю и инструменту, а закупить все срочно необходимое для совхозных нужд, за свои личные деньги. Может быть, их потом и вернут ему, но сегодня — надо действовать. Втроем они прошли по хозяйственным магазинам города и рынкам, и, по мнению братьев-столяров, — очень удачно отоварились. Так как они покупали практически оптом, то есть большими партиями, то продавцы делали им хорошие скидки, иногда сбрасывая до половины цены. Пилы поперечные и ножовки, молотки, рубанки, стамески, долота и топоры разных размеров, лопаты штыковые и совковые, вилы, всевозможные грабли, косы, различные инструменты для кузнечных, жестяных и паяльных работ, ручные дрели по дереву и металлу, ножницы садовые, мотки шпагатов и крепких нитей, цепи привязные ит. п... Федор дал волю выбора своим попутчикам-мастерам, сразу сказав: «Берите все, что, по-вашему, понадобится в первую очередь!». Братья, вначале, робко приценивались к товарам, а когда Федор, дал им понять, чтобы покупали они все, как для себя, вернее — под себя, они вошли во вкус и уже торговались действительно как для себя, и продавцы шли им навстречу. В итоге — набрали полную машину необходимого инструментов, добавив ко всему — сотню тетрадей ученических, бумаги писчей, много химических и простых карандашей, каких-то старых неиспользованных амбарных книг и другой мелочи, даже купили трое бухгалтерских счетов для будущей бухгалтерии.

С утра Федор успел побывать, в начинающем набирать свою материальную силу Республиканском Сельхозснабе, там узнал хорошую новость: — совхозу выделено по разнарядке два трактора — гусеничный СХТЗ-НАТИ и колесный — Универсал, где-то в марте должны будут поступить, а на июнь — пообещали два зерновых комбайна прицепных — Сталинец-1, и один самоходный — С-4. Кроме того, совхозу по фондам выделена передвижная электростанция и грузовой автомобиль ЗИС-5. Автомобиля пока не поступало, а электростанцию уже можно забрать, хоть сегодня.

Еще вроде бы был разговор о выделении совхозу в самое ближайшее время пяти пар рабочих лошадей и четырех пар волов.

Федор был в восторге. После «убедительной» ознакомительной беседы с руководством Сельхозснаба, он получил дополнительный наряд на комплект новой пилорамы и на 25 метров прорезинового полотна, для изготовления приводных ремней, для той же пилорамы, молотилки, водяных насосов и т. п. машин, где использовалось передаточное вращение. Тогда эти ремни были большим дефицитом.

Домой они вернулись уже вечером, Григорий и Екатерина их ждали. Еще раньше было оговорено, что одно из подсобных помещений, в виде отдельно стоящего дома возле конторы, — будет определено под склад, для хозяйственных товаров, поэтому Федор подъехал прямо к его двери, все вместе быстро разгрузили машину. Пока мужчины сгружали — Екатерина Ивановна с Федором — все переписали, указали цены покупки, разложили пока просто по видам, закрыли дверь на замок и зашли в кабинет директора. Федор рассказал о том, как съездили и что совхозу предстоит скоро получить по фондам. Он также поблагодарил братьев за их первый рабочий день в новом совхозе. Потом поговорили о том, с чего будут начинать в понедельник. Завтра было воскресенье, договорились сделать его первым выходным днем в совхозе, отдышаться, осмотреться, и...начинать строить новое хозяйство.

После небольшого ужина, Федор развез братьев по домам. По дороге оговорили конкретные вопросы по размещению столярно-плотницкой мастерской, её обеспечению и укомплектованию работниками. Братья хорошо знали где, кто, что и как находится в селе, поэтому предложили Федору, оборудовать совхозный двор в бывшем помещичьем имении. Там раньше была и кузница, и пилорама, и столярная мастерская, сейчас там ничего почти не осталось, но помещения имеются, двор там большой, конюшня голов на тридцать лошадей. И расположено имение было с края села, так что лучше, чем это место, вряд ли можно в селе найти, если, конечно, не начинать строить все по-новому. «Ну, — подвел итоги дня, Федор, — по новой строить нам не из чего, да и вряд ли разрешат сейчас такое, поэтому — будем приводить в порядок то, что есть в наличии. И пока — обойдемся».

В воскресенье, Федор проснулся рано, но разрешил себе с полчаса понежиться. Да и вылезать из под одеяла не хотелось. Он лежал и прокручивал в голове прошедшую рабочую неделю. Нет, он не мыкался, как теленок, по незнанию от стенки к стенке; вроде бы так все начинается по-хорошему, и люди его понимают и он их, но это даже не начало. Вспомнил правило армейское: — перед боем, людей надо не только организовать и озадачить, их надо еще и вооружить. У него уже созрел план по тому самому — «вооружению». От председателя сельсовета он вчера узнал, что у них на конюшне стоят четыре лошади, реквизированные буквально перед новым годом и отписанные совхозу. Но так как совхоз, как таковой, числился только на бумаге, то и лошади были пока при сельсовете. Есть там даже она старая повозка и бричка — двуколка, правда без колес, и тоже отписаны совхозу. Надо глянуть, что там и как, подумал Федор; лошадь и повозка уже сегодня нужны, возить людей из соседнего села, да и для разных хозяйственных работ пригодятся.

Выходной Федор решил использовать для приведения в порядок себя и своей одежды. Наносил в бак воды, растопил плиту, приготовил тазик и решил постирать брюки, гимнастерки, майки и т. п... Замочил одежду для стирки в тазике, позавтракал, разделся до пояса и принялся за стирку. Он стоял спиной к двери и не слышал, как постучала, а потом вошла Екатерина Ивановна. Не видел, как она стояла и смотрела, как он локтем левой руки прижимает гимнастерку к стенке тазика, а правой рукой с куском хозяйственного мыла, пытается её намыливать. А локоть левой руки беспрерывно соскальзывает со стенки тазика и бьется о его дно. Она, молча стояла, и смотрела на все это, на его исполосованное страшными шрамами тело, и слезы заливали её лицо. Так продолжалось несколько минут, Екатерина уже и выйти не могла, и стоять дальше было невозможно. Она не выдержала — решилась. Подула на свои руки, чтоб как-то согреть, подошла к нему вплотную, тихонько, чтоб не напугать, положила ему руки на пояс, тихонько сказала: «Подожди, Федя!», мягко отодвинула его в сторону от тазика, начала стирать, повернувшись к нему спиной. Федор не сопротивлялся, ничего не говорил, просто сел на табурет и смотрел, как она работает.

Екатерина, простирав те вещи, что замочил до этого Федор, выкрутила их, вынесла тазик на улицу, вылила там грязную воду, набрала в колодце ведро воды и занесла его вместе с тазиком в комнату. Прополоскала все постиранное, вынесла на улицу, развесила и вернулась. Федор все это время сидел в наброшенной на тело, шинели, и смотрел на все это. Когда Екатерина зашла, она подошла к нему, положила ему руки на плечи и тихо сказала: «Ты прости меня, Федя, и не подумай ничего плохого, но я не могла всего этого выдержать!». Федор встал, обнял её правой рукой, просто прижал к себе и дрожащим голосом выдохнул: «Спасибо тебе, родная!». Они так и стояли посреди комнаты; их исковерканные войной души, просто нашлись, нашлись друг для друга на этом свете и уже не могли, не имели права больше теряться. И они это одновременно почувствовали. Это не фронтовой или служебный роман — это теперь их жизнь, одна на двоих, и — до конца.

Потом долго сидели рядом и молчали. Говорить было не о чем и ни к чему. Все, что надо, уже было сказано без слов. Сказано их счастливой судьбой. Такое оказывается, тоже бывает. И не только за директора выходят замуж, а и за того мужчину, которому ты нужна сегодня больше всего. И не только сегодня, а и всю оставшуюся жизнь. А если еще и он тебе нужен, и тоже, — на всю жизнь, так это уже и есть то самое — главное Счастье! Здесь как раз оно и появилось на свет... А главное — к месту, и...ко времени.

Всегда уверенный в себе, Федор, впервые в жизни попал в такую ситуацию; все его сознание, понимание и чувства, были согласны с ней (той ситуацией) и в то же время он боялся спугнуть обрушившееся на него счастье, неосторожным словом, взглядом, даже — мыслью. Он посмотрел в счастливые Катины глаза и предложил: «А давай ты ко мне сюда перейдешь жить?! Места нам хватит, поставим другую кровать, мебель купим».

«Нет, Федя, тут нам делать нечего. В конторе работать и жить, и каждый день! Нет, у меня есть свой дом, я там родилась и выросла — вот в нем мы и будем жить. Бояться и стесняться нам нечего, ни у кого и ничего, мы не отнимаем, поэтому — открыто, и сегодня же, давай ты ко мне и переедешь. Даже и не ко мне, а к нам с тобою. Я буду для тебя тем, кем ты сам меня захочешь иметь — подругой, медсестрой, помощницей, даже женой... Из меня ты можешь любую из этого списка вылепить или всех сразу..., потому что я полюбила тебя, Федя, сразу, как только первый раз увидела, и без всяких посторонних мыслей. И я бы тебе этого никогда не сказала, а сегодня — просто не выдержала. Прости меня, пожалуйста, и решай сам, как поступить».

«А ведь мы уже все решили — возбужденно сказал Федор, — сейчас оденусь, соберем мои пожитки и твою стирку, на машину — и — Домой!».

Так они и сделали. Уже дома, Екатерина нагрела воды, принесла старое большое оцинкованное корыто, и Федор в нем искупался. Катя только помогла ему помыть спину.

Потом они поужинали и пошли спать... Федор только попросил Катю пореже смотреть на его тело, тем более, кому-то рассказывать о его шрамах. Разговор на эту тему, был у них единственным, больше они к этому не возвращались, никогда.

Ночью, когда Федор, наконец, уснул, Катя ласково гладила ладонью его сплошь покрытые шрамами и швами, — спину, руки, плечи и шептала, заливаясь слезами: «Родненький ты мой, да за что ж тебя так жизнь истерзала!?!». И такая теплая материнская жалость охватила её, к этому, еще совсем недавно абсолютно незнакомому для неё человеку! Она обняла его и как-то сразу провалилась в сон. Спокойная и счастливая.

Продолжение см. в интернет-магазине "Andronum", "ЛитРес" и др.